Гадис Гаджиев

Конституция дагестанца

ЭПОХА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге представлены воспоминания о выдающемся поэте современности Расуле Гамзатовиче Гамзатове. Некоторые детали его биографии станут откровением даже для тех, кто хорошо знал великого Расула.

- Гадис Абдуллаевич Гаджиев
  -
  - Воспоминания о последних встречах
  - И еще о певицах
  - Амфитрион поэта
  - Иллюстрации

Гадис Абдуллаевич Гаджиев
Конституция дагестанца. Воспоминания о Расуле Гамзатове

Когда средство превращается в цель, начинается бесцельная жизнь.

Академик Сергей Капица

Мы не правду поверяем Родиной – мы Родину поверяем правдой.

Академик Абдусалам Гусейнов

© Гаджиев Г. А., 2013
© Издательский дом «Эпоха», 2013

* * *

8 сентября 2003 года.

Президент России В. В. Путин вручает государственную награду – Орден Святого апостола Андрея Первозванного – Расулу Гамзатову за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы и активную общественную деятельность.

* * *

Проходят годы со дня смерти Расула Гамзатова. Или – просто Расула. Ненужным оказывается целый ряд прилагательных – знаменитый, великий, талантливый, выдающийся и так далее. Имя «Расул» для большинства россиян связано с памятью о творце «Журавлей». Вот уже 10 лет как дагестанцы не видят доброй, обаятельной, лучезарной улыбки Расула. И это, конечно, колоссальная потеря. Однако, жизнь течет своим чередом. Часто, встречаясь с дагестанцами, я обращал внимание на то, что ни одно застолье не обходится без рассказа кого-нибудь из сидящих за столом, непременным участником которого является наш Расул.

Родилась простая идея – может, собрать всю сокровищницу народного фольклора и опубликовать? Ведь это будет, по сути, то самое продолжение «Моего Дагестана», которое так хотел

опубликовать самый знаменитый в мире кавказец XX века. И так немного для этого потребуется: нужно только тем, кто бережно хранит в памяти то или иное высказывание Расула, его шутки, мудрые афоризмы, не поленился бы их записать. Я обращался через «Молодежь Дагестана» к землякам Расула – хунзахцам, к его сослуживцам по союзу писателей, к журналистам Дагестана, ко всем дагестанцам с просьбой помочь собрать по крупицам весь тот бесценный мудрый юмор, которым так щедро был наделен Расул. Это будет один из тех памятников, которые мы, современники Расула, обязаны построить в память о нем.

Последние годы жизни Расула Гамзатовича я имел счастье общаться с ним. К сожалению, большинство встреч проходило в лечебных учреждениях, обычно в Диагностическом центре на Воробьевых горах. Я, естественно, не пользовался диктофоном. Но, понимая, что судьба и жизнь подарили мне шанс встретиться с гением, я обычно после каждой встречи аккуратно записывал наиболее яркие высказывания Расула Гамзатовича.

Простите меня, дорогой Расул Гамзатович, я, конечно, не могу, что называется, черным по белой бумаге передать во всех красках, во всем великолепии Ваш неповторимый и поучительный юмор. Невозможно описать и Вашу улыбку! Даже не пытаясь это сделать, замечу только, что одна только эта улыбка Расула является нашим национальным достоянием!

Однажды Расул Гамзатович поделился мыслями о том, как бы он переустроил мир, если бы он обладал властью Бога. Этот, на первый взгляд, шутливый план поражает дерзостью и смелостью замысла! Задумайтесь, часто ли вам удается встретиться с человеком, который думает о том, как можно лучше построить жизнь человека? Согласно этому гамзатовскому плану, вначале человек должен прожить период старости, когда годы мелькают и жизнь быстро сокращается. Этот период жизни хорош тем, что человек знает жизнь, у него есть опыт, который позволяет поставить правильные цели и наметить этапы жизненного пути. Очень важно, переходя от старости к зрелости, подобрать себе спутника жизни. Если речь идет о мужчине, то его зрелость проверялась бы в зависимости от того, может ли он выбрать себе такую женщину, с которой он был бы неразлучен всю оставшуюся жизнь. Это очень важный критерий взрослости. Потом наступил бы период молодости со всеми его прелестями, радостями, весельем. А затем должно наступить детство, которое всегда длинное. Человек избавляется от грехов, становится воплощением доброты. Потом человек умирает. «Тогда бы могилы людей были маленькими, а жизнь – большая», – смеялся Расул Гамзатович. Конечно, это был шуточный план! Но, как

известно, в каждой шутке только доля шутки.

Помимо шуточного плана переустройства всей жизни, Расул Гамзатович вполне серьезно думал о современном Дагестане, о новых социальных нормах, которые вытесняют старые, но при этом не являются порой ни полезными, ни рациональными, ни справедливыми. Человек, которого беспокоят и озадачивают подобные проблемы, стоит выше других, он несет пророческую миссию. Поэт, ставший мыслителем, философом, анализирует новые нормы жизни, стереотипы общественного поведения и обнаруживает в них много вредного. Что делать? Он понимает, что происходят объективные процессы глубокого изменения всего уклада жизни дагестанского общества. Самый сложный вызов ему брошен стихией частной собственности. Это оказалась такая мощная сила, которая отбросила назад нравственные нормы, культуру в широком смысле. В российском обществе, частью которого является и дагестанское, стал насаждаться культ богатства, которому все позволено. Появились богатые люди, которых невозможно любить, потому что они сами себя не любят. Если человек желает себе добра, он не станет вести себя столь вызывающе, демонстрируя свое превосходство над другими.

Таких людей Бог наказывал тем, что они утрачивали разумные цели. Накопительство ради накопительства – одна из ложных целей жизни. Все эти болезненные изменения можно наблюдать на примере быстро изменившихся обычаев проведения больших, иногда пышных, нередко скучных свадеб. Обидно, когда одно из самых радостных событий в жизни юноши и девушки из-за нерациональных правил, появившихся на наших глазах, превращается в банальную кассу взаимопомощи.

Большинство дагестанцев стали жить в городах Дагестана и России, сельское население учится жить в городе. Это непростой, болезненный, но и неизбежный процесс. Расул Гамзатов внимательно присматривался к стремительно меняющимся социальным нормам. Не со всеми из них надо мириться – таковы убеждения мыслителя, многие правила надо подправлять.

Многим известно изречение Расула: «По случаю рождения теленка зарезали быка». В форме легкой шутки поэт и мыслитель пытается ненавязчиво дать мудрый совет, предлагает дагестанцам критически посмотреть на то, что они считают давно сложившимся обычаем. Правильно ли это, когда человек пускается во все тяжкие, чтобы заработать деньги, необходимые для большой свадьбы; закупает тонны продуктов, которые ежедневно выбрасываются на свалку? Не является ли этот обычай проявлением расточительного, вредного тщеславия? Так ли необходимо, чтобы твой дом был обязательно выше и богаче

соседского? Нужны ли состязательства в этом? А в обществе кто-то задумывается над этой и подобными проблемами? Неужели эти важные для общества социальные нормы складываются спонтанно, без участия разума человека?

Почему турки и европейцы не проводят больших свадеб? Большие свадьбы Расул не приветствовал. В обществе много людей нуждающихся. Обычаи проводить многолюдные свадьбы унижают их. Вспоминая свою встречу с одним известным болгарским писателем, Расул говорил, что на свадьбе этого человека было четыре человека: он сам, его невеста, его друг и подруга невесты. И когда Расул спросил, а немало ли было гостей на свадьбе, последовал ответ:

– Я думаю, что и те двое были лишними!

О богатых свадьбах Расул говорил:

– На этой свадьбе молчал кожаный барабан. Его перекричал кожаный тугой кошелек!

Надо кому-то думать и что-то предпринимать, чтобы такого рода «обычаи» изменять? Конечно, надо. Государство этим не занимается, это дело самого общества, которое нуждается в пророках. Милостью божьей Расул-посланник пытался найти ответы на эти самые важные для устройства общества вопросы, изучая старинные дагестанские адаты. Он перечитал книгу своего отца Гамзата Цадаса о семейных обычаях аврцев, книгу Хаджи-Мурада Хашаева об адатах гидатлинских горцев; обычаи горцев – правила совместной жизни в джамаате – вырабатывались веками. Это интересная, продуманная культура горцев. Но действительность очень быстро меняется, и не все адаты выдерживают испытание временем. Значит, решил Расул, надо создать свод важнейших социальных норм, правил поведения для современных дагестанцев.

При этом надо иметь в виду, что дагестанцы живут не только в горах и дагестанских городах, но и на необъятных просторах России и за рубежом. Надо, чтобы и дагестанцы в далекой Австралии оставались дагестанцами. Что же может их объединить? Так родился замысел Конституции горцев. Афоризмы, шутки, изречения Расула Гамзатова, которые я записал, надо воспринимать, как попытку через них создать свод важнейших для дагестанца нравственных правил.

Надо, говорил Расул, чтобы дагестанцы были не великими, а взрослыми! К чему сводится это изречение? В нем очень много смысла, как в почти в каждой шутке поэта. У него не было легковесного юмора!

Каждую шутку, афоризм поэта и мыслителя надо серьезно обдумывать, и тогда в них обнаруживаются новые и новые пласты

жизненной мудрости, полезные каждому горцу.

Расул-посланник оставил нам в наследство целый кодекс нравственности, и при этом он говорил, что его статьи нуждаются в комментариях, необходимо обнаруживать новые смыслы в коротких афоризмах.

Основа жизнестойкости дагестанцев в их трудолюбии, жажде современных знаний и глубокой любви к Дагестану. Жизненная энергия горцев присутствует почти во всех дагестанцах: это часть их генетического кода. Вернувшись из Европы, я порой задумывался, а почему в Дагестане так мало осталось памятников материальной культуры, нет величественных храмов и мечетей? Да, у нас их нет. Но у нас есть горные террасы, и это величественные и молчаливые, скромные памятники трудолюбия горцев. Веками они создавали своими руками участки пашни, сады. Мало мест в мире, где можно обнаружить схожую культуру земледелия. Рукотворные сады, пашни формировали весь уклад жизни, все социальные нормы. Трудолюбие земледельца и садовода стало трудолюбием алимов, которые в поисках знаний обходили средневековые университеты Востока.

У дагестанцев великолепная генетическая предрасположенность к жизненному успеху. Надо только не упускать предоставляемые каждому возможности. Расул дал своими афоризмами, шутками каждому дагестанцу самое важное – цели, которые необходимо достичь в жизни. Из любви к Дагестану должно постоянно возникать чувство ответственности перед собой и перед Дагестаном. Эту мысль Расул не уставал повторять и в своих стихах и в прозе:

– Каждый человек смолоду должен понимать, что он пришел на землю для того, чтобы стать представителем, посланником своего народа, и должен быть готовым принять на себя роль. Цель жизни дагестанца – быть достойным Дагестана!

Быть взрослым (и не только великим) – значит быть ответственным перед Родиной, быть трудолюбивым, разумным. Человек, который попадает под власть ложных целей, перестает быть разумным. Ложные цели – это добровольное современное рабство. Пример ложных целей – обязательно сыграть пышную свадьбу, чтобы не ударить в грязь лицом, построить слишком большой дом, копить деньги ради денег. Ложные цели – это непосильные намусы, пустое тщеславие. Быть взрослым – это обязанности горца быть успешным, но не любой ценой! Быть взрослым – это значит не допускать крайностей (в суждениях, устремлениях, желаниях), быть сбалансированным, придерживаться правила «золотой середины».

– Не задирайте штаны выше колен, если вода в речке не выше

щиколотки, – говорил Расул.

А еще он повторял: «Человеку нужно три года, чтобы научиться говорить, и вся жизнь для того, чтобы научиться держать язык за зубами».

Человек должен взрослеть, обдумывать свое поведение, сопоставляя его с поведением других людей. Это и есть поиск истины каждого человека. Об этой истине Расул говорил:

– К сожалению, мы ее долгие годы не искали. А сейчас ищем медленно и плохо.

Но почему Расул решил облечь золотые крупицы жизненной мудрости в форму афоризмов, изречений? Объяснения я нашел с помощью академика Абдусалама Керимовича Гусейнова, Директора института философии Российской Академии наук. Он высказывался по поводу людей, которых иногда называют «совестью нации». Конечно, сообщество людей может выбрать какого-то одного и называть его в силу превосходства его моральных качеств совестью нации. Но если этот человек действительно обладает выдающимся моральными качествами, а одно из них – скромность, вечное недовольство собой, он обязательно станет отрицать собственное превосходство. Если же он так не скажет и воспримет всерьез свою особую нравственную миссию, начнет раздавать моральные характеристики, то это и будет означать, что он не является совестью нации:

«Человек, которого мы хотели бы призвать выступить от имени морали, в силу моральных причин не будет этого делать!» – убежден Абдусалам Керимович Гусейнов. Те люди, которые любят морализировать, как правило, вызывают подозрение.

Если бы еженедельно Расул Гамзатович выступал с нравственными проповедями, то он просто потерял бы доверие народа. Ненавязчивые, шутливые по форме, но мудрые по смыслу, запоминающиеся афоризмы, – вот стиль нравственных уроков Расула Гамзатовича.

В этой книге, посвященной афоризмам, юмору и мудрости Расула Гамзатова, я хочу вспомнить живущего в Москве врача, одного из основателей Московского Центра культуры «Дагестан» Магомеда Абдулхабирова. Багаутдин Ахмедович Ахмедов говорил, что все дагестанцы делятся, в общем, на две категории. Одни кричат «Давай!» – при этом они руками показывали, мол, давай мне! Другие – их мало – восклицают: «Давай!», мол, зажигай, но при этом они, напротив, широко разводят руки, что означает желание поделиться с другими своей радостью, не взять, а отдать. В старое время, да и сейчас, дагестанцы возводят вокруг своих домов глухие заборы. Во дворе они устанавливают на столбах светильники, которые хорошо освещают собственный

двор ночью. А вот за забором – черная улица! Магомед Абдулхабиров из тех редких людей, которые всегда распахивают руки: их слово «давай» не является хватательным рефлексом стяжателя, это всегда призыв совершить общее дело. Магомед из редкой породы, он уроженец несуществующего аула – аула бессеребренников. Если бы у него были деньги, достаточные для того, чтобы построить дом, я знаю, чтобы он сделал. Знаю наверняка. Он бы поставил столб с фонарем так, чтобы он освещал всю улицу! Этот человек похож на фонарь, который светит для всех ночью. Вот из таких людей надо бы выращивать министров, депутатов и мэров. Но обычно они, наоборот, стыдятся быть властными начальниками. Быть важным некрасиво! Они становятся врачами, журналистами, скромными учителями. Это только кажется, что таких людей мало. Если министров, мэров, депутатов – явное меньшинство, то, наверное, таких людей, как наш Магомед, в Дагестане все-таки не так уж мало.

Это Магомед Абдулхабиров навеял мне самую главную идею этой книги: Расул не шутник, не юморист – это пророк от поэзии.

А кто это – пророки, есть ли они сейчас? Может, мы живем в такое время и в таком обществе, дышим таким воздухом, который не способствует их появлению? Может, время пророков давно уже прошло? Рафаэл Папаян, мой армянский друг, мудрец, написал, что не бывает «дворцовых пророков». Наиболее известные пророки – они же глубочайшие мыслители, философы, милостью божьей – Моисей, Иисус, Мухаммед. Они несли людям Божественную истину, передавали назидания Бога, предупреждения о грозящих человеку опасностях и рисках. Как правило, их слова были нелицеприятны и для общества, и для властителей, и тем не менее, они высказывали их с бесстрашием и без оглядки на лица и на возможные неприятные последствия. Пророки даже в их обращениях к конкретному лицу обращались ко всему народу. Их слова были бы обессмыслены при частном адресате, превратившись в ворожбу и гадание. А, между тем, пророки не гадатели, их слова обретают значение и смысл в силу того, что говорят они о проблемах народа, страны, о тревогах, беспокоящих всех.

Пророки не исчезают. Сейчас их функцию несут выдающиеся писатели, поэты, режиссеры, журналисты, общественные деятели. Пророки – это «библейская интеллигенция». Пророкам может стать даже судья, но не в каждой стране. Народ, которому Бог посылает пророка, находится под его защитой.

На одной из встреч в Правительстве Республики Дагестан в Москве Абдулхабиров рассказал о том, как выглядел поэт после смерти Патимат Саидовны. Он был с бородой, как у Хемингуэя,

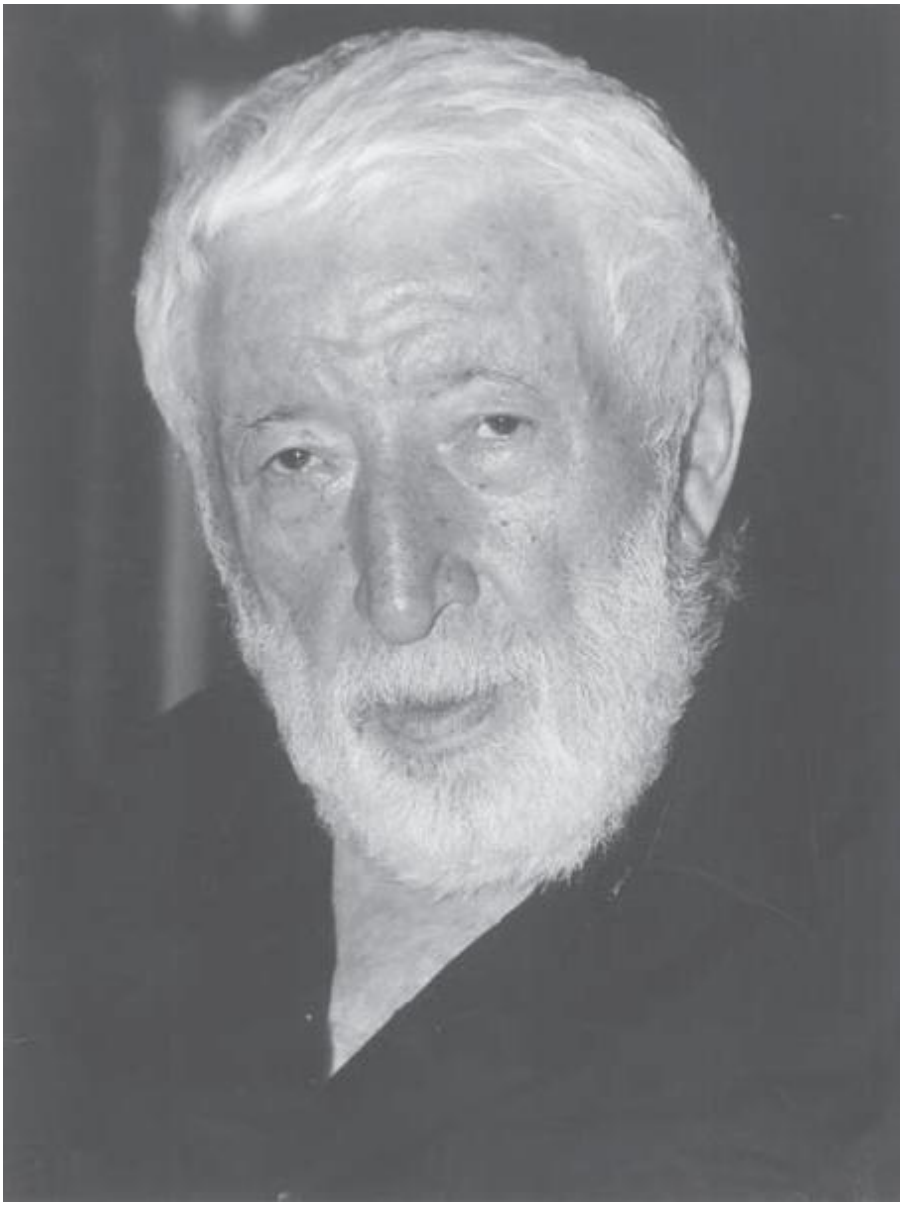
печальный и грустный.

– Родители умерли, братья погибли, ушла и Патимат. Я по-настоящему осиротел. Жизнь – это короткий перерыв между прошлым и вечностью. И тут надоело, и туда не хочется, – сказал Расул. И добавил:

– Приходи, если моя грусть тебя не тяготит.

Магомед Абдулхабиров говорил, что этот образ седого, грустного, но не сломленного гиганта остался в его памяти навсегда. Поэт Омар-Гаджи Шахтаманов тоже всегда так называл Расула Гамзатовича: «Гигант сказал…», «Гигант звонил…».

Коллега Абдулхабирова, доктор Массух из Хомса (Сирия) на свои средства решил издать небольшую брошюру стихов, выбрав 30 стихотворений Расула Гамзатова. На арабском языке в Сирии был опубликован «Мой Дагестан», но сирийцы не знали стихов поэта. Тогда доктор Массух пять гамзатовских стихотворений перевел на арабский язык и опубликовал в сирийском журнале «Родники» под рубрикой «Пророк поэзии».



Очень точно Магомед Абдулхабиров выразил свое отношение к творчеству поэта: «оно соткано из мудрости и юмора». Любовь и мудрость люди издавна называют философией, а поэтому стихи и проза Расула – это философский юмор, мудрые афоризмы. Особенно это касается стихов, прозы последних пяти лет жизни. Я попробую убедить читателя, что именно этот период его творчества является самым важным для дагестанцев.

В это время Гамзатов думал над своим завещанием. И как тот светильник, который освещает прежде всю улицу, он хочет

оставить завещание не частное, не своим дочерям, а всей большой дагестанской семье, каждого из членов которой считал своим близким соседом и дальним родственником. Он вместе с каждым, в чьих жилах течет дагестанская кровь. И речь не только об этнических дагестанцах! Недавно в Санкт-Петербурге я слышал, как русская учительница Светлана Ивановна Жученко искренне говорила о том, что за тридцать пять лет жизни в Дагестане в ее жилах стала течь дагестанская кровь.

Бывший руководитель «Дагэнерго» и член Госсовета Дагестана Гамзат Магомедович Гамзатов рассказывал историю о том, как известная в России женщина-политик была в Дагестане и присутствовала на каком-то торжественном мероприятии. В президиуме ее посадили около Расула. После завершения собрания она, как всегда восторженно, сказала:

– Расул Гамзатович! Я всю жизнь мечтала сидеть рядом с вами!

На что он ей ответил мягко, чуть иронично, как будто извиняясь:

– А я думал, мы сидели вместе!

Вот это тонкое знание разницы между словами «рядом» и «вместе», это потрясающее умение обращаться с русским языком не могут не удивлять. Мы ведь помним, Расул Гамзатович до конца жизни говорил с сильным акцентом. Вернувшись из Финляндии и рассказывая о финских банях по дагестанскому телевидению, он произносил слова так: «Пинляндия», «Пинские бани»!

Расул всегда был вместе с Дагестаном, и его очень беспокоило, будет ли он вместе с дагестанцами после надвигающейся смерти. Так появилось стихотворение «Памятник» и небольшая книга «Конституция горца».

8 сентября 2003 года в резиденции Президента России «Бочаров Ручей» Владимир Путин во время вручения поэту высшей награды страны – ордена Святого апостола Андрея Первозванного – сказал, что поэзия народного поэта Дагестана Расула Гамзатова – это достояние всех народов Дагестана, несмотря на то, что он прославил малую родину, аварский язык и людей, живущих на этой земле. Глава государства напомнил, что в одной из последних книг поэта, которую он назвал «Конституцией горца», содержится семь статей. И это, по словам президента России, свод личных законов, в которые Гамзатов вместил суть и смысл человеческой жизни и завещал их всем россиянам.

– Вашими духовными ориентирами по-прежнему остаются честь, совесть, добро и любовь. Вы сумели сказать людям о самом

насущном и многих поддержали как стихами, так и гражданской мудростью и личным достоинством, – сказал Владимир Путин.

Расул Гамзатов вспомнил слова великого американского писателя Уильяма Фолкнера, сказанные им при получении Нобелевской премии по литературе:

– Долг писателя, поэта – помочь человеку выстоять, укрепляя человеческие сердца, вспоминая о мужестве, чести, надежде, гордости, самопожертвовании, – о том, что составляет извечную славу человечества. Голос поэта не может быть простым эхом, он должен стать опорой, основой, помогающей человеку выстоять и восторжествовать.

Особенно важно выстоять и восторжествовать в смутные времена, когда выпущенный из бутылки джин частной собственности бросил вызов государству, обществу и каждому человеку.

«Опера стала эстрадой, балет стал лезгинкой!» – грустно шутил Расул Гамзатов.

В канун восьмидесятилетнего юбилея главный редактор журнала «Дагестан» Далгат Ахмедханов взял интервью у Гамзатова и, в частности, спросил про судьбу его книги прозы «Мой Дагестан». В 1973 году поэт говорил, что эта книга будет состоять из пяти частей. Две вышли и имели огромный успех. Где остальные три?

– Третья была написана, но рукопись я никак не могу найти. Куда я ее дел – ума не приложу. Я больше, чем поэт, известен как ужасный неряха. Теряю много написанного. Жаль, конечно, но что поделаешь. Восстановить практически невозможно. После такой потери продолжать книгу трудно, – сказал тогда Расул Гамзатов.

Да, возможно, рукопись утеряна. Но то, что он написал перед смертью, – это его подлинное завещание, и это фактически восполняет недостающие части «Моего Дагестана».

– Я ничего не забираю туда из этого хорошего, доброго, красивого мира. Потому и прошу – берегите Дагестан! Храните и возвеличивайте еще больше его славное имя. Дагестан – сама ваша жизнь, ваше достоинство и ваша любовь. Нет, не глупы его адаты – дорожите ими и берегите их! Его приметы и символы не дикие – любите их особенной любовью! – писал Расул в своем завещании.

«Конституция горца» – это была короткая речь, прочитанная в апреле 1997 года на Конгрессе соотечественников. В ней Расул поделился с дагестанцами со всех концов планеты самими своими главными мыслями:

– Мы жаждем правды, но правдиво лишь нелукавое слово.

Горцы же в радостях и горестях, в любви и гневе не лукавят…

Родной, общий, единый для нас Дагестан свое национальное, человеческое достоинство пронес через туманы и ненастья веков, благодаря своему прямодушию, но не равнодушному отношению к добру и злу, вражде и дружбе, предательству и верности воинов, землепашцам, чабанам, алимам, белобородым старцам, храбрым юношам и неотразимым красавицам, продолжившим род и воспитавшим новые и новые поколения.

В этой речи Расул сказал, что пишет сейчас новую книгу «Мой Дагестан». В этой книге он хотел систематизировать главные стороны адатов (г/амал), которые присущи характеру и духу человека гор. «Лучше все войска погибнут, чем погибнет наш адат, – этими неписанными законами жили горцы», – провозгласил народный поэт.

В Конституции горца всего семь статей, остальное – комментарии, толкования и приложения.

«Конституция горца – основной закон наших жителей», – говорил Расул Гамзатович. Он имел в виду не официальную Конституцию, принятую Народным собранием, а нравственную, духовную конституцию народов Дагестана, выработанную веками.

– У нас одна многовековая неписанная духовная конституция, которую обязаны были соблюдать народы Дагестана, которая также, как Коран, не подлежит замене, не допускает изменений и дополнений, которая прошла испытание временем. Это законы долга и достоинства, – писал Гамзатов.

Статья 1. Мужчины. Кинжал должен быть острым, а мужчина должен быть мужественным.

Статья 2. Женщины. Мерилом человеческого достоинства для мужчины является его отношение к женщине. Мужчина имеет право драться только в двух случаях – за родную землю и за прекрасных женщин. В остальных случаях дерутся только петухи.

Статья 3. Дети. Они всегда идут вслед за нами.

Статья 4. Память.

Статья 5. Дружба.

Статья 6. Гость, гостеприимство.

Статья 7. Сосед, добрососедство.

Конституция горца – это и есть третья часть «Моего Дагестана», если раскрыть смысл этих коротких статьей, в которых содержится нравственный ген дагестанцев. Расул зашифровал свою мудрость в коротких, кажущихся только шутливыми афоризмах. Так поступал каждый великий поэт, начиная с Шекспира. Способ кодирования самых важных идей, самого главного из опыта прожитой жизни использовал Байрон, Пушкин, Адам Мицкевич. Хорошо, что сам поэт дал подсказку,

как надо расшифровать его секретную мудрость. Он прямо сказал в «Конституции горца», что семь коротких статьей – это сложные и загадочные символы, в которых воплощена нравственность горца. Чтобы разгадать их смысл, надо прибегнуть к комментариям и толкованиям! Содержатся же они в стихах Расула и в его шутках, посланных им в народ. Потому тот, кто хочет узнать всю глубину мудрости народного поэта Дагестана, часть которого он получил в наследство от Гамзата Цадасы (это наследство выдающегося теолога, знатока Корана), – должен знать стихи и афоризмы, шутки поэта, предания о нем.

«Пророк поэзии» оставил нам три ориентира на этом пути. Первый – это семь статей. Второй – это его подсказки, намеки, содержащиеся в его интервью, статьях, конечно, в стихах. Третий – это устные предания о Расуле. Эти три точки образуют треугольник смысла дагестанской нравственности, мусульманской и общечеловеческой одновременно!

Присмотримся хотя бы к статье 1 Конституции. Мужчина должен быть отважным, как кинжал острым. Сначала кажется, что прежний Расул 70-х годов, когда он мог написать стихи-сувениры, в которых было много бурок, кинжалов и другой кавказской экзотики.

Но что значит быть отважным для современного человека? Конечно, не «махать шашкой», не рубить с плеча! Несдержанность, горячность – это основные кавказские слабости! Сабур, терпение, сдержанность – вот что в основе мужества. Подсказку, как надо понимать эту первую, самую важную заповедь, дал сам поэт: истинное понимание мужества ничего общего не имеет с митинговым рукомахательством, а юношеская торопливость так же, как старческая медлительность, опасна во время бури.

Быть отважным – это, прежде всего, жить в согласии со своей совестью: она есть у каждого, это бесценный дар Бога каждому человеку. Поэтому совесть – отнюдь не бесполезное свойство души. Очень трудно быть смелым и думать и поступать не так, как все. В интервью Далгату Ахмедханову Гамзатов говорил о том, что в нашем дагестанском обществе многие понятия искажены, воспринимаются превратно. О Сталине, Багирове говорят, выражая свое восхищение: «Это настоящий мужчина!». По этим же мотивам называют «настоящим мужчиной» и «вора в законе». Чем больше человек проявлял насилия над другими, демонстрировал жестокость, самодурство, высокомерие, не ограниченную ни законом, ни разумом, ни справедливостью власти, тем более он «мужчина». Так и детей калечат, воспитывая в этом духе. Трусость – это стремление быть, как все, это когда

человек испытывает сладость от принадлежности к молчаливому большинству. Такая простота может быть опасной. Сон разума рождает чудовище! Простая бабушка бросала солому, чтобы разгорелся костер, сжигающий Галилео Галилея. Мужество современного дагестанца – иметь и жить в соответствии со своей совестью. Вот чего можно и даже нужно очень бояться – это своей совести! Человек каждый день с опаской, осторожно идет по натянутому канату нравственности, как цовкринские канатоходцы. Отличие только в том, что внизу – бездонная пропасть грехопадения. Совесть – это как шест для балансировки на канате в руках цовкринца. Не хочешь учиться, не умеешь балансировать на канате нравственности – можешь упасть.

Человек, конечно, постоянно находится под контролем государства, культуры общества, семьи. Но самое важное – это быть под контролем своей совести, и для этого требуется не просто храбрость, а мужество и отвага. И это святая обязанность человека. Сложно выполнять свои обязанности перед друзьями, семьей, государством из страха перед государством, законом. А можно исполнять юридические обязанности, руководствуясь не страхом, а чувством долга, из страха перед своей совестью.

Мой любимый литературный персонаж Дон Кихот повторял: «Я люблю того, кто жаждет невозможного». И он сам жаждал быть частью идеального мира. Романтичная, красивая, но несбыточная мечта! Реальная жизнь и идеальные представления о том, какой должна быть действительность, всегда различаются. Так что же представляет собой культура – часть реальной действительности или систему идеальных ценностей? Самое простое определение культуры сводится к тому, что это – система ограничений, тысяча запретов. Возможно, те кавказские парни, которые стреляют на свадьбах в Москве, знали только 999 запретов. Эти запреты создают культурную среду, которая предопределяет как тип экономики, так и тип права, существующий в том или ином обществе. Культура – сложное структурное явление: наука, право, мораль, искусство и тому подобное, – все это проявление культуры, и каждое из них необходимо оценивать в исторической перспективе.

Была ли культура в Древнем Риме? Конечно, была, но с точки зрения сегодняшнего дня в этой культуре мы обнаружим больше проявлений варварства, чем подлинной культуры. В сопоставлении с неким идеальным представлением о том, какой должна быть культура, реальная культура любого современного общества, включая, конечно, и российское, представляет собой, как писал Густав Радбрух, смесь гуманизма и варварства, вкуса и безвкусицы, истины и заблуждений. В этом смысле как часть

действительности и с учетом перспектив совершенствования культура не может рассматриваться как абсолютная ценность, как явление идеального мира.

Можно ли получить уроки совести и нравственности? Выдающийся российский мыслитель, человек общепланетарного масштаба, философ, директор института философии Российской Академии наук, лезгин, прямой потомок Магомеда Ярагского, одного из духовных учителей имама Шамиля – Абдусалам Гусейнов, постоянно повторяет, что нельзя человека обучить быть нравственным, совестливым, как учат, например, французскому языку. Он сам должен учиться этому каждый день, учиться по книгам, наблюдая за другими, жадно впитывая все хорошие образцы, которые судьба обычно щедро посылает всем. Кто-то умеет «впитывать» нравственные уроки, кто-то отмахивается от них, как от бесполезной обузы. А кто-то вообще является на самом деле волком, хотя и носит обличье человека. Но эти нелюди-оборотни гораздо опаснее волков из леса, хотя иногда тоже являются «лесными»!

Меня не покидает мысль, что Расул Гамзатов как будто попросил меня, сына его друга, выполнить обязанность почтальона, разносящего его послания в дома дагестанцев. Не всем достанутся письма: кто-то грамотный, а кто-то разучился читать, а значит, и мыслить. Но все равно я как тот ленинградский почтальон «с толстой сумкой на ремне». Кому-то Расул послал заказные бандероли, кому-то – письма с уведомлением, кому-то – короткие записки… Письма, осуждающие слабости высокомерных людей, я должен лично отнести во многие высокие служебные кабинеты… Это о них писал Гамзатов:

Всезнающих людей на свете нет,
Есть только те, кто мнит себя всезнающим.
Порой мне страшен их авторитет,
Взгляд осуждающий и взгляд карающий.
Всего не знал ни Пушкин, ни Сократ,
Все знает в целом мир, большой и многолюдный,
Но судят мир порою те, что мнят
Себя носителями истин абсолютных.

На Дагестан свалились напасти и беды! Одна из них – это чинопочитание. Сколько вдруг появилось трусов!

Расул однажды признался, что зарубежные политики вызывают у него большее доверие и уважение, потому что это простые, как правило, интеллигентные, умные, деликатные люди

– не в пример дагестанским руководителям, отличающимся кичливостью, самовлюбленностью, безапелляционностью и беспардонностью.

Он как-то раз отдыхал в Чехословакии, и Председатель правительства сказал ему: «Давай пойдем пить пиво». И они пошли, но не в какой-то особый, специально оборудованный для важных персон ресторан, а в обычный бар, и премьер-министр стоял в очереди за пивом, скромно отказываясь от предложений уступить ему очередь. А может, он кичился своей скромностью? Эту фразу я услышал от Расула Гамзатовича:

– Гадис, не надо кичиться своей скромностью! Почему ты не выступаешь со статьями в газетах, на телевидении? Я помню, как в «Литературной газете» Максим Соколов опубликовал интервью с тобой, многое мне понравилось! Тебе надо писать, особенно о твоем отце, моем друге Абдулле. Он и Абуев были гигантами, они хорошо помогали Умаханову!

Что ж, попытаюсь последовать этому совету…

Вспоминаю поездку с официальным визитом в Конституционный Совет Франции. Его председатель – господин Дюма, бывший министр иностранных дел Французской республики. Красавец, аристократ, ученый, писатель. Но самое главное – воплощение галантности. На какую бы женщину не посмотрел – в его глазах всегда обожание! Моя коллега, судья Конституционного Суда России Ольга Сергеевна Хохрякова, имела неосторожность спросить у господина Дюма, где можно купить хороший французский сыр. Он успокоил ее, пообещав все устроить. Каково же было наше всеобщее удивление, перешедшее в аплодисменты, когда вечером, стоя у гостиницы, мы увидели необычную картину: господин Дюма ехал на скромном велосипеде, и впереди, в багажнике, виднелся купленный им сыр! Пример, достойный подражания!

Я не виню дагестанцев, – я сожалею, что так печально сложились обстоятельства, что гордые, вольнолюбивые и немного архаичные люди впали в чинопочитание.

Положенье, должности людей,
Званья, до небес превознесенные,
Знаю я, что у вас нет друзей,
Есть начальники и подчиненные.
Неужели когда-нибудь и сам,
Наплевав на дорогое самое,
Я в угоду званьям и чинам
Отвернусь хоть раз от вас, друзья мои?

Антон Павлович Чехов советовал каждый день выдавливать из себя раба, чтобы стать свободным человеком. В письме Суворину Чехов объяснил, почему он писал пьесу «Иванов», какова была его цель: «Я лелеял дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях». Чтобы преодолеть ипохондрию, безвольность, необходимо, считал А. П. Чехов, «чувство личной свободы», а чтобы его обрести, «надо выдавливать из себя по каплям раба», и тогда в жилах человека потечет не рабская, а настоящая человеческая кровь. Зависимость от всего рабского, от алкоголя, от навязанной моды, от бездуховности, от догматизма, – это все то, что в исламе называется «ширком».

А чтобы он сказал, если бы мог оценить ситуацию, сложившуюся в нашей республике? Наверное, со свойственной ему деликатностью, промолчал бы. Легче всего обличить, труднее понять, а если правильно понять – это уже, по немецкой пословице, почти простить. Расула Гамзатовича очень удручала эта новая форма рабской, унизительной зависимости, как зараза, поразившая общество.

Почему человек не может часто сделать правильный выбор невесты? Это только один из часто встречающихся случаев, когда человек не может правильно поставить цель жизни. Когда Бог хочет наказать человека, он просто направляет его по ложному пути, к ложной цели. Расул, конечно, не хотел спорить с Богом, это было не богоборчество. Он понимал, что мир уже устроен так, как он устроен. По воле Бога маленький воробей победил Великий Китай, по Его воле гуси спасли великий город Рим. Расул не хотел возражать Всесильному. Но сама мысль о том, что можно устроить мир по-другому, настолько масштабна, оригинальна, что она свидетельствует о том, почему поэт писал хорошие стихи: он обладал потоком фантазии, невероятным воображением, без которого нельзя создать ничего нового.

Академик Иван Павлов, Нобелевский лауреат в области физиологии, выступил в 1917 году с лекцией перед учителями Петроградских школ и училищ. Он говорил, что в естественном мире среди прочих рефлексов есть рефлекс цели. Это стремление каждого человека к обладанию желаемыми предметами. Павлов неслучайно предпочитал употреблять слово «рефлекс», а не инстинкт, подчеркивая тем самим, что существует объективно детерминизм, иными словами, что-то вроде предопределенности. Человек постоянно ставит перед собой цели – высокие или низкие, важные или пустые, рациональные или бессмысленные, расходуя свою энергию либо с результатом, либо впустую. При этом, заметил академик Павлов, не существует постоянного

соотношения между затрачиваемой энергией и важностью цели. Сплошь и рядом на совершенно эфемерные цели может быть затрачена огромная человеческая энергия. Рефлекс цели имеет огромное значение в жизни. Вся жизнь человека может быть представлена, с точки зрения физиологии, как способ осуществления только одной цели – цели сохранения жизни. Жизнь – это неустанная работа в этом направлении. Это и есть общий инстинкт жизни. Человек должен постоянно работать, постоянно совершенствоваться; как результат этой постоянной работы – достижение успехов и, как ни странно, более долгая жизнь.

Конечно, из общего правила бывают исключения, но обычно тот человек, который с детства привык постоянно тренировать свой мозг интеллектуальной работой, достигает успехов в жизни. Правила перемещения вверх, как надо делать карьеру, в общем, довольно просты. Много работать, оказаться благодаря этому в хорошей среде, получить хорошее образование, которое возможно только через самообразование. Жизнь только тогда красива, привлекательна, когда человек ставит перед собой достигаемую цель. Радость от достижения – это одно из самых главных жизненных удовольствий человека, делающая ее чудесной. Стремление к заведомо недостижимой цели обычно заканчивается плачевно у обычных людей. Иное – жизнь необычных людей, которых называют гениями. Они могут поставить перед собой, казалось бы, недосягаемую цель и с помощью Бога превратить ее в постижимую и досягаемую. Вся жизнь, вся культура человечества, все ее улучшения, то есть все то, что обозначает слово «прогресс», осуществляется с помощью рефлекса цели, но только людьми, умеющими ставить как достижимые, так и недосягаемые цели, – людьми, страстно стремящимися к ее достижению. Самая недосягаемая цель – это справедливость в обществе.

Несвобода человека наступает тогда, когда вместо правильной цели в жизни он попадает в современное рабство. Зависимость от алкоголя, от наркотиков – это, по сути, рабство, когда человек лишается возможности сознательно сформулировать свою цель в жизни. Есть и другие формы несвободы. Одна из них – лишение способности самостоятельно мыслить. Это стало проблемой современного Дагестана. Россияне, окончившие некоторые зарубежные религиозные образовательные учреждения, за годы учебы осваивают ислам, шариат, но если они мыслят догматически, Бог лишает их свободы мысли, они утрачивают из-за начетничества способность мыслить самостоятельно и, в результате, оказываются не только

не способны заниматься теологией, но даже вести беседы с верующими.

Есть что-то общее между Моисеем, водящим евреев по пустыне для того, чтобы они забыли о рабстве; Чеховым, который видел рабство в безволии человека; Расулом Гамзатовым, который видел рабство в безволии человека быть смелым, что значит быть свободным и жить по совести. Опасной для свободы может быть даже любовь. Расул говорил, что на фронтах войны гибнут физически, а на фронтах любви гибнет разум.

Жить под контролем совести – самая главная обязанность человека. В канун своего 80-летнего юбилея Расул Гамзатович любил повторять: «Я теперь стал бывшим!». Бывшим членом Президиума Верховного Совета СССР, бывшим членом обкома КПСС и т. д. Он говорил Далгату Ахмедханову:

– Я многое и многих повидал. Тридцать лет был депутатом Верховного Совета СССР и двадцать восемь – членом Президиума, и кое-что знаю о Кремле и коридорах власти. Беседовал с Микояном, Молотовым, Буденным, Георгадзе, премьер-министрами Индии Индирой Ганди и Радживом Ганди, Финляндии – Урхо Кекконеном, Ясиром Арафатом, Фиделем Кастро, Че Геварой, Арисменди. Я пережил сладость близости к власти.

Что же дал ему этот опыт общения с властью? Очень важный опыт: тщеславие человека проходит, и он становится свободным от этого ширка. Вот что означают слова «Теперь я бывший!». Конституция горца – это, конечно, зашифрованная мудрость. Надо уметь толковать заложенный в ней смысл. Кто такие горцы? Конечно, это не только те, кто живет в горах, большая часть их живет на равнине. И не имеет значение их национальность. В Конституции горца и кумыки, и ногайцы, и они должны быть свободны! Горец – это символ свободы:

О горные орлы, что вас влечет
Сюда, где снег в любое время года?
Мы ни тепла не ищем, ни щедрот,
Здесь высоту дарует нам свобода.
О земляки мои, что вас влекло
Сюда, где трудно обуздать природу?
Нас привели не благо, не тепло —
Нам высота сулила здесь свободу!

Ценность свободы человека несомненна. Но все же абсолютной свободы не бывает, это цель из разряда недосягаемых. Это, по славам Гамзатова, «недостижимая, по сути,

цель». Тысячи лет люди бьются за нее, а она почти также далека… «Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день идет за них на бой», – известные слова. Отсюда и кровь, гражданская война и прочие прелести борьбы за свободу. Независимость… От кого независимость?.. «На мой семидесятилетний юбилей Джохар Дудаев подарил мне «мерседес» со словами о борьбе за независимость. Это не борьба, сказал я ему, а революционное нахальство. Он ничего не ответил. Пятьдесят лет назад я женился на Патимат и сразу потерял свою независимость. Так что, я должен был отказаться от семьи? Одинокие, мы лихачим в автомобиле, но с детьми себе этого не позволяем. Мы все зависим друг от друга».

Должна быть у свободы мера. Каждый может иметь свободу махать кулаком, но лучше, чтобы она была ограничена находящимся рядом носом соседа. Человек постоянно живет в отношениях с другими. Вот мужчина идет по улице, сам бросает взгляды на женщин, они реагируют, смотрят на него. В этой паутине отношений нет места абсолютной свободе, потому что все люди зависят друг от друга. Вот почему с ценностью свободы так важно единство людей. Особую ценность представляют люди, способные порождать согласие между спорящими и враждующими. Наполеон говорил, что судьи делают для общественного согласия, что никакая награда для некоторых из них не кажется ему чрезмерной!

Человек должен постоянно меняться. Лев Толстой был убежден, что каждые девять лет его жизни с ним происходила метанойя – умоперемена. Расул тоже имеет в виду необходимость постоянного самосовершенствования. «Только безмозглый камень лежит, не меняясь», говорил он. «Только бык не меняет мнения», – гласила пословица. Никогда не поздно умнеть – это девиз судей Конституционного Суда России, провозглашенный его бывшим Председателем Маратом Викторовичем Баглаем. Как важно понять и усвоить эту мудрость молодым дагестанцам, особенно живущим за пределами малой родины!

О статье второй Конституции горца – «Женщины» – Гамзатов говорил и писал всю жизнь, это одна из его основных тем. Поэтому, комментируя ее, он пошутил: «Была бы моя воля, эту статью сделал бы первой».

Старые обычаи, стремительно развивающаяся новая жизнь, судьба женщины – Расул размышлял над этими проблемами в поэме «Горянка», обогатившей мировую культуру. Горянки – это воплощение гордого, свободолюбивого характера, красивой и благородной души. Мужчины всегда в долгу перед женщинами.

В долгу перед каждой слезой, —
А сколько слез ты пролила?
В долгу пред твоею красою,
Что сердцу мужскому мила.

В долгу пред твоими руками, —
Тот видел в горах, кто не слеп,
Они превращали и камень
В угодья, рождавшие хлеб.

Дагестанец должен своим поведением, всем своим обликом, достоинством быть живым памятником своей матери. Хороший облик – хороший памятник, плохой – и памятник матери плохой. Отношения Расула к матери – вот самый лучший его памятник.

Может статься, лишь затем дарован
Мне судьбою некий жизни срок,
Чтобы я тебя возвеличивал словом,
Шаль тебе соткал из нежных строк,
Ты такой при жизни не носила.
Видишь, как нарядна и светла!
Не твою ли песенную силу,
Мама, сыну ты передала?
Я хочу, чтоб в эту шаль, чаруя,
Все цветы весенние вошли.
Эту шаль – о мама! – подарю я
В честь тебя
Всем матерям Земли!

Статья 3 о детях. Расул много раз обращался к вопросу ответственности родителей, их обязанности дать хорошее образование детям. Дети идут за нами, и это значит, надо передать им сведения о том, что такое ценность справедливости.

Справедливость – самое таинственное понятие. Мало кто отважится дать определение, что такое справедливость, но почти все понимают его значимость. Дагестан – это не территория «Анжи». Он должен быть территорией справедливости. Это и есть животворная влага, благо, от которых все произрастает – и семьи, и экономики. Сейчас в Дагестане сложился явный дефицит справедливости. Вспомним, как Шамиль потребовал наказания плетьми для своего отца, который нарушил установленный им строгий запрет на употребление спиртного. Особенно важно, чтобы справедливыми были носители власти – чиновники, судьи.

Один несправедливый поступок убивает веру у тысячи людей. Здание справедливости не может построить один человек. Со слов Гаджи-Али Чохского-Нахибашева, мы знаем любимые слова имама Шамиля, являющиеся частью одной арабской поэмы:

– Я вижу тысячу человек, строящих здание, которое может разрушить один; но не может построить один человек, когда сзади него тысячи разрушителей!

Если руководитель высокого ранга несправедливо назначает на должность своего родственника, то он тем самым разрушает еще одно здание справедливости, которое строят тысячи людей.

Статья 4 – Память. Раздумья над тем, что передать потомкам в виде основных заповедей, – самые мучительные для Расула Гамзатова:

Ночей и дней все нарастает бег,
В Путь Млечный перейдет тропа земная,
Что завещать мне людям, белый снег,
Что завещать им, лошадь вороная?

Что в дар оставить, к милости призыв?
Иль зов к отмщенью, кровника достойный,
Чтоб говорили: видел сны покойный,
Под голову оружие положив?

Мы негодуем, мучаемся, любим,
Я сам себе и раб и государь,
И, уходя, что мне оставить людям,
Связуя воедино новь и старь?

Родов ли зависть, схожую с проклятием,
Вражду племен, коварство ли владык,
Что должен я в наследство передать им,
Покуда мой не окаменел язык?

Я не хочу, чтоб кровь лилась, как ныне,
И покорялся заново Кавказ.
И кадий, не обрезанный, в гордыне
Звал с минарета совершить намаз.

И, обращаясь с укоризной к веку,
Я говорю:
– Пусть тот из мусульман
Не совершит паломничества в Мекку,

Который даже не прочел Коран.

И, проникавший в роковые страсти,
Настанет час, —
Я упаду с седла,
Где нет числа канатоходцам власти,
Канат высок, но низменны дела.

Горит светильник, что зажжен когда-то
Моим отцом вблизи ночных отар.
И вместе со стихами —
Сын Гамзата —
Его я горцам оставляю в дар.

Память должна быть не короткой, а справедливой и благородной. Помнят ли сейчас, как много Расул Гамзатов сделал для развития экономики и культуры Дагестана? Помним ли о том, какой вклад он внес в развитие энергетики, строительства гидроэлектростанций в Дагестане? В своих воспоминаниях бывший председатель Дагестанского совнархоза Шахрутдин Магомедович Шамхалов описывает, в частности, как стало возможным строительство Чиркейской ГЭС. После составления Бакинскими проектировщиками технико-экономических обоснований строительства Чиркейской ГЭС начались неизбежные в то время хождения по кабинетам Госкомэнерго, Госплана, Совета Министров СССР. Многое зависело от специалистов ведущего проектного института страны – Ленгидропроекта. Тогда появилась идея пригласить в Дагестан профессора Вознесенского – крупного ученого, гидростроителя, отца поэта Андрея Вознесенского. К осуществлению задуманного были привлечены многие, и в том числе Расул Гамзатов, имевший огромные связи в мире интеллектуальной элиты страны.

А вот заслуга открытия в Дагестане Музея изобразительных искусств целиком и полностью принадлежит Патимат Саидовне Гамзатовой. Как пишет в своих мемуарах Шамхалов Ш. М., она жила этой идеей несколько лет, объехала все республики бывшего СССР, побывала во многих странах, во многих музеях мира. Созданный ею музей уникален, ему нет аналогов в других республиках.

А вот как происходило возведение здания Аварского театра, что находится в Приморском парке. Инициатором его строительства был секретарь Махачкалинского горкома КПСС Алексей Григорьевич Коршунов. Решение о разрешении

строительства театра должен был принять Госплан СССР, но, ссылаясь на недостаток денежных средств, там отказывали в ходатайстве республики, и это при том, что за период советской власти в Дагестане не был построен ни один театр. Обычно, чтобы оказать сильное психологическое воздействие на высокопоставленных советских чиновников, Шамхалов бросал резкую фразу:

– Куда же нам теперь идти – к туркам, что ли?

Вот тут и сыграл решающую роль Расул Гамзатов. Это он позвонил председателю Совета Министров СССР Алексею Николаевичу Косыгину и добился принятия положительного решения о строительстве театра, по проекту архитектора академика Мовчана.

Память – это и урок истории. Большое видится на расстоянии!

На праздновании 80-летия Расула Гамзатова выступил профессор университета Южной Флориды (США) Виктор Пеппард. Он убежденно заявил, что потомки в XXI и в XXII веках оценят творчество Расула Гамзатова еще больше, чем нынешнее поколение. И добавил, что его русская теща стала относиться к нему с более глубоким уважением, когда увидела, что в его библиотеке есть книги Расула Гамзатова!

Память дагестанцев станет справедливой, когда у каждого дагестанца в его библиотеке будут книги Расула Гамзатова.

Память – это внимание к людям. Больше всего меня поражала в Расуле Гамзатовиче его способность запоминать мельчайшие детали. Он встречался ежедневно с большим количеством людей: казалось бы, память не может сохранить все, но ему это удавалось. Память у Гамзатова была благодарной.

У меня есть письмо Расула Гамзатовича к дочери друга – известного одесского писателя Ивана Гайдаченко. В этом письме он пишет, что хотел написать воспоминания о ее отце, но не может о нем вспоминать, потому что он его не забывает. Далее он пишет:

– Я очень благодарен вам за то, что вы так бережно храните память об отце и изучаете его наследие. Ваш отец прошел большой творческий путь, хотя его творчество еще мало изучено и ждет своих исследователей. Это письмо – мое слово о друге. Друге, которому я, к сожалению, не смог отдать должное при его жизни.

Иван Петрович был у меня в гостях в Махачкале, когда приезжал на Дни детской литературы с делегацией писателей. Потом я гостил у вас в Одессе, пребывание в которой не забуду никогда. Тогда в Одессе были дни поэзии Дагестана. Душой всех

наших встреч был Иван Петрович. Я еще очень мало знал его и даже не мог предполагать, что передо мной очень крупный писатель. Был я и у вас дома, на Французском бульваре. С Иваном Петровичем я совершил новое открытие Одессы.

Признаться, в те дни я был несколько удивлен необычным видом города, потому что вся Одесса была увешана старыми революционными лозунгами и плакатами. Оказалось, в городе шли крупномасштабные съемки фильма о революционном времени…

Кончина Ивана Петровича стала для меня настоящим ударом. Мне жаль, что я не смог с ним проститься. Я бы написал о нем подробнее, но у меня сейчас, увы, гости – болезни и старость; сколько бы я ни ругался с этими гостями, они не уходят. Я не могу сам читать, плохо вижу, да и перо уже дрожит в моих руках.

Но память об Иване Петровиче сохраню навсегда.

Статья 5 – Дружба.

Дружба – это дружелюбие. Чем больше у человека дружелюбия, тем больше у него друзей. В основе дружелюбия – доброта.

Мне запомнилось, что говорил Расул Гамзатович о своих впечатлениях о человеке при знакомстве с ним. Он сказал, что с первой встречи люди кажутся ему почти совершенными, наделенными всяческими достоинствами. Новому знакомому надо было «постараться», чтобы испортить это благоприятное первоначальное впечатление. В беседе с Далгатом Ахмедхановым Расул Гамзатович говорил: «Я очень доверчив, и поначалу полностью доверяю каждому новому человеку. Но время расставляет всех по своим местам, и первоначальные сто процентов доверия начинают сокращаться, как шагреневая кожа. В конце концов человек предстает самим собой, и хорошо, если процент порядочности не опускается ниже допустимого уровня. К сожалению, довольно часто этого не происходит. Но я в этом смысле романтик, и по-прежнему принимаю нового знакомого с первой минуты за сто процентов».

Любой психолог, изучив это высказывание, скажет, что оно принадлежит феноменально доброму человеку. Больше всего угнетало Расула, если его собеседник начинал злословить, говорить за глаза плохое о других. У таких людей внутри червоточина. Болезнь злословия может прогрессировать, и тогда наступает нравственная смерть человека. Расул очень любил простых, добрых людей, потому что сам был такой.

Но дружелюбие важно не только в общении между отдельными людьми. Это целая культура согласия, способности

находить согласие. К сожалению, сейчас Дагестан раздирают противоречия. Ругаются близкие родственники, не умея прощать обычные человеческие слабости. Спорят между собой даже джамааты. Спорят по надуманным поводам дагестанцы, живущие в горах и на равнине (как только они оказываются в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России, они почему-то сразу забывают об этих мнимых разногласиях). Самое неприятное, что спорят между собой мусульмане, члены одной уммы. А ведь основу мусульманской культуры составляет согласие, компромисс. Есть несколько мазхабов (школ), есть различные толкования сур Корана, но это многообразие только укрепляет веру, а не ослабляет ее. Споры между представителями различных мазхабов – это даже не споры в собственном смысле этого слова. Это, по сути, разные и вполне приемлемые точки зрения на один и тот же предмет. К сожалению, одна из причин того, что Дагестан стал территорией раздора, состоит в том, что подняло голову невежество. Невежество – это дефицит культуры. Невежественный человек не способен на поиск согласия. Его невежество заставляет его трубить всем, что только он прав.

Наверное, все знают великолепную пушкинскую метафору: «прорубить окно в Европу». Строительство Петербурга было решительной модернизацей страны, ускорением развития всех сфер культуры – культуры строительства городов, дорог, вооруженных сил, культуры общения, культуры нравственности.

Результатом этого обновления России стало появление русского дворянства – людей с высочайшим кодексом чести и достоинства.

Но мало кто знает, что Пушкин создал свою знаменитую метафору тогда, когда он писал поэму «Медный всадник» под впечатлением события, произошедшего в 1723 году в Дагестане, в Дербенте. В ходе Персидского похода Петр Первый был в Дербенте. Жил он в древней крепости Нарын-кала, в комнате, из которой не было видно Каспийское море. Было лето, на Каспии разыгрался шторм, постоянно дул сильный ветер. Для дальнейшего движения на юг войскам нужен был провиант, который должен был быть доставлен кораблями из Астрахани. Погода мешала осуществлению плана. Энергичный Петр Великий ежечасно с подзорной трубой в руке выскакивал из комнаты, выходил на галерею и высматривал, не появляется ли эскадра на горизонте. Видимо, это ему надоело, и тогда он собственноручно молотом прорубил окно в своей комнате, чтобы видеть море! Хороший пример жизненной энергии, необходимой для достижения высоких целей!

Доподлинно известно, что в период работы над «Медным

всадником» Пушкин читал записи о персидском походе Петра Первого. Реально прорубленное окно в крепости Нарын-кала, самой древней в России, превратилось в чудесную метафору обновляющейся России.

А вот что писал Расул Гамзатович в «Моем Дагестане»:

«Печальный поэт Махмуд сказал о народах Дагестана, что они похожи на горные ручьи, которые все время стремятся слиться в один поток, но не могут слиться, и текут каждый сам по себе. А еще он сказал, что народы Дагестана чем-то напоминают ему цветы в узком ущелье, которые склоняются друг к другу, но не могут обняться.

Батырай сказал: «Как бедняк бросает свой ветхий тулуп в темный угол, так и Дагестан скомкан и брошен в ущелье гор».

С чем же сравню тебя, мой Дагестан? Какой образ найду, чтобы выразить свои мысли о твоей судьбе, о твоей истории? Может быть, потом я найду лучшие и достойнейшие слова, но сегодня я говорю:

«Маленькое окно, открытое на великий океан мира!»».

Сейчас дагестанцам тоже необходимо прорубить свое окно в большой мир. Мир не бывает односторонним, это не только Восток с его великолепными традициями, ценностями семьи, общины и государства, но и Запад с его ценностями свободы, уважения достоинства отдельного человека. Невежественность – это убеждение человека, живущего в пещере, что его жилище – это самое лучшее из всех возможных! Об этом надо постоянно напоминать молодежи Дагестана. Постоянно наращивать мускулы культуры гораздо важнее, чем наращивать мускулы в спортивном зале, хотя противопоставлять их тоже не стоит. Все знают известное высказывание Расула Гамзатовича о том, что не Ермолов кровью и саблей покорил Дагестан, а Пушкин и Лермонтов, русские, европейская культура пленили дагестанцев.

Рамазан Абдулатипов писал о том, что некоторые ученые и публицисты пытаются убедить всех, что главный герой Кавказской войны был генерал Ермолов. Он не отрицает, что это был жестокий, умелый полководец. Иначе он не повел бы себя как завоеватель, не уступающий порой своей жестокостью турецким султанам и иранским шахам. И этим он довел народы Кавказа до отчаяния и до войны. А Кавказ – это край дипломатии, а не войны. А вот другой российский главнокомандующий на Кавказе – Михаил Сергеевич Воронцов – был искусным политиком и искусным дипломатом. В чем разница между Воронцовым и Ермоловым?

Политика, проводимая М. С. Воронцовым на Кавказе, была политикой поиска мира, замирения горцев. Военные действия,

как свидетельствуют его биографы, имели для него второстепенное значение. Он строил дороги, мосты. В Геджухе сохранились подземные воронцовские винные подвалы.

Через год после смерти Расула Гамзатовича его дочь Салихат опубликовала завещание отца. Это не юридический документ – великий поэт не мог написать завещание в том смысле, который этому слову придают юристы, у которых жизнь великого Гёте может уместиться в описании скупых юридических фактов: наследство Гёте состояло бы из его свидетельства о рождении и смерти, из документа о его приеме в адвокатуру, из свидетельства о браке и свидетельства о рождении его сына, из записи в поземельной регистрационной книге о его доме на имя жены и о дачном домике на Штерне, из договоров с издательствами на его произведения и из его назначения на должность тайного советника. Поэт писал свое завещание не своим детям, не своим родственникам, а всем дагестанцам. Это завещание не имело окончательной формы, это были отрывки на разных листах бумаги, привезенных после его смерти из больницы, где он начал писать после шумного и трудного для Расула Гамзатова празднования его 80-летия в киноконцертном зале «Россия», которого уже нет (он разрушен вместе с гостиницей «Россия»). Текст был написан на аварском языке. В записках главной является мысль о том, что оставлено наследство, и оно является достоянием каждого, кто обратится к книгам Расула: «Мое завещание – в книгах, которые я написал».

Он был настоящий поэт с огромной творческой энергией, которую он не утратил до самых последних дней жизни. Его мысли, творческие замыслы постоянно обгоняли возможность их осуществления. Его творческая лаборатория не закрывалась на выходные дни, душа его постоянно рождала новые образы, чудесные метафоры под воздействием встреч, бесед, впечатлений. Расул писал об этом:

Я, как малохольный, хожу, фольклорист,
По нашему бедному краю,
И каждое редкое слово, как лист,
В гербарий души подшиваю.

Конечно, это привилегия людей гениальных, у которых их мозг, душа длиннее их рук. Сам Расул с мягким юмором пишет в завещании, что был не очень собранным и потому многое не смог довести до конца: «Что-то из написанного давно я не мог позже обнаружить, словно путал шайтан. Много, видимо, потерял

окончательно, как тот дурачок, что, возвращаясь домой с базара, растерял по дороге яблоки. Самое дорогое для меня из утерянного – рукопись моей третьей книги «Мой Дагестан». Сам я не смог ее найти, как ни старался» (Неизвестный Расул Гамзатов. – Махачкала, 2009. – С. 105). В конце этих прощальных строк, написанных cause mortis – «по причине предстоящей смерти», как пояснили римские юристы, поразительная строчка: «Поэт вправе скрывать что угодно, но от поэта нельзя утаивать ничего!».

В этих словах есть глубокий потаенный смысл. Расул Гамзатов очень ценил свой юмор, свои шутки и понимал, что сказанное им будет запоминаться и обязательно передаваться по эстафете от одного рассказчика другому. Для всех, кто знал поэта, это была потребность поделиться с другими радостью общения с великим дагестанцем. Это и есть третья часть повести «Мой Дагестан» – самая запомнившаяся, не опубликованная, но отправленная в народ в виде преданий, шуток, коротких рассказов из жизни самого знаменитого кавказца XX века. Неслучайно эту часть наследия люди вспоминают, к сожалению, чаще, чем его стихи и прозу. Этот феномен надо понять! Как будто Расул предвидел, что с появлением компьютеров, интернета люди реже станут доставать книги с книжных полок.

Как мне кажется, молодежь меньше увлекается стихами, чем раньше. В одну из моих встреч с поэтом в 2001 году я спросил его, видит ли он в ком-то своего продолжателя. Расул ответил: «Писателей стало много, читателей стало мало!». Но и сейчас во многих компаниях, в застолье, в Дагестане и во многих других городах России собравшиеся вспоминают о Расуле.

10 октября 2003 года, уже после торжественного празднования 80-летия Расула Гамзатова, когда он попал в Диагностический центр на Воробьевых горах, Арсен Атаевич Атаев, моя жена Зумрут и я пошли проведать его. У меня остались записи об этой встрече. Как сейчас помню добрую, чудесную улыбку Расула – улыбку большого ребенка. Это сравнение может кому-то не понравиться: как можно называть поэта, мудреца, знаменитость ребенком? Наверное, есть тут что-то от святотатства. Но я говорю о своем впечатлении. Это был какой-то доверчивый, беззащитный, как ребенок, человек, словно ему удалось претворить в жизнь свой грандиозный план переустройства мира! У меня не хватает запаса слов для того, чтобы выразить свои чувства – страха, сочувствия, предчувствия, что великий человек может покинуть мир. Племянник Расула – Гамзат – рассказал мне после похорон, что за несколько дней до смерти Расул Гамзатович велел своей дочери Зареме: «Собери

родственников! Со мной же надо что-то делать… Я не поправляюсь!». В этих словах – весь наш Расул – и большой беззащитный ребенок, и мудрец в одно и тоже время.

Я помню трогательное желание выполнить свою основную конституционную обязанность дагестанца – проявить гостеприимство, как он достал бутылку дагестанского коньяка и настоял на том, чтобы мы все пригубили бокалы. И при этом он буквально фонтанировал шутками, на глазах возникающими экспромтами. Моя супруга, понятное дело, старалась уклониться от употребления крепкого напитка. Этого было достаточно для того, чтобы появилась ироничная шутка. Расул, сказал, что люди не оценивают, как важно правильно пить коньяк, какие при этом надо соблюдать правила, какова должна быть осмысленная последовательность этого непростого действа. Мы все, присутствующие, завороженно слушали, как поэт шутил: «Надо подносить бокал к губам очень медленно. Первым в священном действии должен участвовать ваш нос. Он является первопроходцем ваших ощущений! Потом надо поднять бокал и положить его на край нижней губы. В этот момент верхняя губа начинает понимать, что она как занавес в театре начинает важное действие. А потом язык передает впечатление от коньяка в мозг, который рождает поэзию…».

Как известно, самоирония, способность посмеяться над собой, не возвеличивать, а скромно принизить свои заслуги – это всегда признак и свойство глубоко интеллигентного человека. Кстати, вот что он сказал об интеллигентах: «Сейчас все, кто не стоял у станка и не работал чабаном в колхозе, называют себя интеллигентами!».

В разговоре мы вспоминали Рамазана Абдулатипова. Расул Гамзатович сказал: «Поэт – это неудавшийся философ. Философ – это неудавшийся историк. Историк – это неудавшийся политик. Политик – это неудавшийся член общества дружбы с народом Азии и Африки». Чтобы понять смысл шутки, надо иметь в виду, что членом Президиума Всесоюзного общества дружбы с народами Азии и Африки был как раз Расул Гамзатов.

За два дня до нас у Расула побывал заместитель Председателя Высшего Арбитражного суда России вместе с Рамазаном Мамедовым, который в это время был Представителем Республики Дагестан при Президенте РФ. Коллега Исайчев замечательно поет и пишет стихи. И вот в этот день он читал свои стихи. Уставший от праздничных хлопот, но тем не менее безропотно принимающий всех многочисленных посетителей, Расул Гамзатович пошутил: «Это особо циничная форма угнетения представителей малых народов Дагестана!».

В этот вечер Расул Гамзатович завел разговор о завещании имама Шамиля. Было понятно, что он сравнивает с ним. Он сказал, что Шамиль три раза писал завещание: один раз в Ахульго, один раз в Калуге и последний раз в Аравии. Он не может так, как Шамиль, завещать дагестанцам, чтобы звон их кинжалов ласкал его слух. Поэтому, сказал Расул Гамзатович, я завещаю, чтобы горцы, дагестанцы любили свои бесплодные, никому больше не нужные скалы.

«Моя мать Хандулай похоронена в Буйнакске, отец Гамзат – в Махачкале, один брат – в Балашихе, второй – в Черном море, – сказал Расул Гамзатович. – Меня похороните на горе Тарки-Тау, возле памятника «Белые журавли». Памятник должен быть скромным. Пусть это будет гранитная стела, на которой будет написано «Расул»».

Вернусь к тексту завещания, который опубликовала Салихат. В нем есть такие слова: «Я не беру с собой туда ничего из мира этого. Все, что есть значительного, достойного, красивого, остается здесь, остается для потомков, детей…». Для дагестанцев, для всех помнящих поэта россиян он оставил стихи, в том числе живущие в замечательных советских песнях, осталась проза, и, прежде всего, первой и второй книг «Мой Дагестан».

У меня сохранилась телеграмма, которую я отправил поэту в 2003 году по случаю награждения его самой высокой наградой в нашей стране. Вот ее текст: «Орденом Андрея Первозванного был награжден Наполеон. Его вручил ему в 1807 году в Тильзите Александр I за военные заслуги. Но Наполеон, покоритель Европы, не смог завоевать Россию. Вы же завоевали симпатии россиян одной только песней «Белые журавли», и поэтому по праву награждены этой же наградой. Поздравляю!».

А 10 ноября 2004 года я получил письмо от аварского поэта Абдуллы Даганова: «Дорогой Гадис! Ассаламу аллейкум! В молодости мы с тобой были очень хорошими приятелями. Думаю, что не забыл меня, хотя прошло столько времени: я в Махачкале, ты в Москве. Мне очень понравился твой материал, опубликованный в газете «Молодежь Дагестана» за 22 октября 2004 года под названием «Воздвигнем памятник». Видимо, как бы ты ни говорил, что «не нашлось в Дагестане человека, который ходил бы за Расулом и записывал каждую его шутку, я сделал это по возможности. Правда, что удалось, – это мизерная доля! Но все-таки я издал книгу, которую высылаю тебе. Понравится ли? Если кое-что да, то я буду рад. Постараюсь еще и еще собирать шутки Расула, его автографы, письма, чтобы получилась еще более объемистая книга. Я горд тобою, горд, что сын такого славного отца тоже стал славным сыном Дагестана. Всех земных

благ! Здоровья, удачи, радости и счастья в жизни! Абдулла Даганов».

Я, конечно, помнил нашу первую встречу с Абдуллой Дагановым в 1973 году. Я тогда был студентом юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и жил в общежитии, в Главном здании, на Ленинских горах. Около двух часов ночи с субботы на воскресенье меня разбудил стук в дверь. Я открыл и увидел дагестанца, который мне объяснил, что у кого-то был в гостях; заговорились, а когда собрался уходить, было уже поздно. Тогда он решил пройтись по этажам 33-этажного здания МГУ, будучи убежденным в том, что на одном из этажей в списках проживающих он обнаружит дагестанские фамилии. Так он нашел комнату № 1343, на дверях которой была открытка с дагестанским пейзажем. Так я познакомился с Абдуллой Дагановым, который в то время учился на каких-то высших курсах. Как я могу позабыть такое знакомство? В маленькой комнатушке общежития не было свободной кровати. Я свою предоставил Абдулле, а сам улегся спать на коврике, на полу.

А потом я познакомился с еще одним «летописцем» и другом Расула Гамзатовича – поэтом и журналистом Шамхалом Дибировым, который в 2009 году издал сборник «Неизвестный Расул Гамзатов». В нем были собраны статьи и последние «прощальные» стихи Расула Гамзатова, его завещание, несколько интервью с ним, воспоминания близких друзей и почитателей таланта о встречах с поэтом. В этих материалах Расул Гамзатович предстал перед читателями в совершенно новом, не знакомом доселе ракурсе.

В предисловии к сборнику Шамхал писал: «По одному уходят люди, близко знавшие Расула Гамзатовича, и через каких-нибудь полвека большинство из них найдет свое место в журавлином печальном строю. А нашим детям и внукам, потомкам останутся их воспоминания о великом Человеке и гениальном Поэте». И вот уже ушел от нас и сам Шамхал, ушел безвременно, и что печально, ушел умный, красивый (хотя и не без недостатков) горец. Он не был юристом, но его идея о юридическом долге знавших Гамзатова людей перед будущими поколениями дагестанцев и даже об их правах в связи с этим мне, юристу, понятна. Эта идея и стала руководящим принципом подготовки книги, которую читатель держит в руках.

Очень много могли бы рассказать о поэте его переводчики Яков Козловский, Наум Гребнев, Е. Николаевская, В. Солоухин, его друзья по литературному цеху – А. Твардовский, Мустай Карим, Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев и многие другие. И я рассчитываю, что продолжу и в дальнейшем поиски. Но уже то,

что собрано, надо доводить до людей. И не только потому, что любой ценой надо возвеличить память ушедшего. Нет, не только поэтому. Самым неожиданным образом собранные о Расуле предания, воспоминания являются удивительной характеристикой дагестанского народа, показывают такие его черты характера, как доброта, доброжелательность и, конечно, гостеприимство.

Я занимал в амфитрионе народного поэта Дагестана Расула Гамзатова совсем скромное место, в отличие от моего отца – Абдуллы Гаджиева, – с которым он дружил, особенно в молодости. Я сижу в этом амфитрионе на последнем ряду, отец сидит гораздо ближе к первым рядам. Но я не могу забыть ту доброжелательность, внимание, которое проявлял ко мне, к моей работе Расул Гамзатович. Говорят, быть благородным – это одна из черт интеллигентного человека. Я должен написать эту книгу, в том числе в память о друге своего отца.

Мой дорогой друг, коллега Хасплат Рустамов, яркий представитель табасаранского народа, рассказал мне историю, которая доказывает, что дагестанцы живут мечтой о хорошем госте!

На первый фестиваль табасаранского фольклора Расул Гамзатович приехал в Хучни с двумя итальянцами – мужем и женой. Земля Табасарана – это, пожалуй, самый богатый и красивый уголок Дагестана. Это красивейшие предгорье, запоминающиеся водопады и добрые, бесхитростные горские люди. Я всегда начинаю с симпатией относиться к человеку, как только узнаю, что он просто табасаранец. В годы учебы в МГУ у меня был друг из Хучни, студент факультета журналистики Вагабутдин Сеидов, потом была дружба с Зейдуллой Османовым, которые укрепили эту «установку на симпатию».

В самый разгар многолюдного праздника, к горечи организаторов, начался ливень, который обрушивается на землю каскадом водяных волн, сменящихся неожиданно появляющимся ярким солнцем. Никто не заметил, куда во время ливня пропали иностранные гости. Конечно, хозяева бросились искать пропавших, но, к счастью, все завершилось благополучно. Через пару часов итальянцы объявились, причем в прекрасном настроении. Оказалось, что когда они прогуливались по лесу, их застала гроза. Успев промокнуть до нитки, они увидели в лесу одиноко стоящий дом. Их встретила у порога старушка, которая по жестам поняла, что иностранцы заблудились. Она не только пригласила их в дом, не только напоила чаем с кизиловым вареньем, не только угостила табасаранской полбой, которая традиционно подается после чая, не только высушила их одежду

и помыла их обувь, – все это входит в сложный обряд гостеприимства. Она, живущая в одиночку, на одну пенсию, не имея ничего более дорогого, подарила на прощание итальянцам галоши и национальные вязанные шерстяные носки – джурабы. Не сомневаюсь, что они и сейчас хранятся в семье итальянцев. Но самое главное, старушка отдала долг чести: она тоже создала у итальянцев установку на симпатию к Дагестану! Эта мысль постоянно повторяется в стихах и прозе Гамзатова. Не случайно его назвали Расулом (посланником). Он всю жизнь чувствовал свою ответственность за то, что он является представителем, послом в большом Мире от маленького Цада, от Дагестана. О Дагестане будут судить по тебе. Если ты поступаешь плохо, ты наносишь вред памяти своих родителей и подводишь Дагестан. Отсюда в завещании Расула Гамзатовича эти строки: «Землю на могилу возьмите, прежде всего, в Цада – я был его представителем на свете, а потом – отовсюду по миру».

Представьте себе этих итальянцев, которые, несмотря на грозу, испытали счастье от общения с Вечной, всепобеждающей Добротой, представшей перед ними в образе старушки, не пожалевшей галоши и джурабы. Расул Гамзатович оценил всю поэтичность этой ситуации; именно из таких эпизодов рождается Поэзия. Он сказал: «Всех страждущих в мире, всех, кого надо одеть и обуть, следует привезти в гости в Табасаран!».

Я слышал от отца, что в 80-е годы М-С. И. Умаханов предлагал Патимат Саидовне стать Министром легкой промышленности Дагестана. Она отказалась, понимая, что обязанности жены Расула Гамзатовича гораздо более ответственны, чем министерские. Мудрая женщина! И ничего удивительного в этой мудрости нет: и она, и ее брат Магомед Саидович, бывший мэр города Махачкалы, унаследовали эту черту от их отца – Саида.

Многие помнят события 1985–86 годов – начало антиалкогольной кампании М. С. Горбачева. Несмотря на ореол советского Омар Хайяма, который витал постоянно над Расулом, руководители творческих союзов СССР пригласили его на встречу с Горбачевым. На встречу, которая состоялась в 1986 году, были приглашены Элем Климов, председатель Союза киноматографистов, Рустам Ибрагимбеков, известный сценарист, автор сценария фильма «Белое солнце пустыни», который, кстати, снимался около Каспийска. Рассказал эту историю Рустам Ибрагимбеков, когда мы с ним обсуждали вопрос о возможности создания фильма о Хаджи – Мурате, соратнике имама Шамиля (и его сопернике). Помимо основных, важных целей, у руководителя творческих союзов была и небольшая прагматичная цель: они

хотели получить от Горбачева особое разрешение на употребление алкоголя в ресторане Дома литераторов на Поварской улице в Москве. Элем Климов говорил, что в гости к творческим людям часто приезжают их иностранные коллеги, и возникает потребность повести их в ресторан, который трудно назвать таковым, если там нет спиртных напитков.

Надо знать о способности Горбачева говорить одно и тоже! Я встречался с ним в компании судей Конституционного Суда России, и меня всегда поражала эта его способность говорить много и ни о чем. Когда игла граммофона заедает и слышится одна и та же мелодия, – это то же самое. В общем, все речи Горбачева сводилось к вреде алкоголя. Элем Климов высказал просьбу о ресторане, но Горбачев сделал вид, что он ее не заметил. Молчавший всю встречу Расул Гамзатов произнес в заключение потрясающую по многозначительности, по юмору фразу, которую потом, смеясь, любили повторять творческие работники: «Хорошо, Михаил Сергеевич, будем носить в себе!». Вряд ли Расул сделал вид, что он говорит на ломаном русском языке, и что он хотел сказать: хорошо, раз нельзя официально, будем приносить алкоголь с собой. «В себе» – это и скрытая насмешка над Горбачевым!

Рассказ от Георгия Данелия, великого советского режиссера, создателя фильмов «Не горюй!» и «Мимино». В своей книге он вспоминает об обстоятельствах, связанных с несостоявшимся фильмом об имаме Шамиле и Хаджи-Мурате. Трагическая судьба Хаджи-Мурата продолжается и в 20 веке. Мне известны как минимум две попытки снять фильм о нем. Более того, у меня есть оба сценария, но фильм так и не состоялся. Вот и проект Данелии-Гамзатова был закрыт в советское время. Только в Германии, в конце 20-х годов, был снят фильм о Кавказской войне, в котором роль Хаджи-Мурата играл великий русский киноактер Мозжухин.

В 70-е годы Георгий Данелия вместе со своим постоянным оператором Вадимом Юсовым, художником Ипполитом Новодережкиным и дагестанским поэтом Омар-Гаджи Шахтамановым больше месяца колесил на «газике» по горам Аварии.

Как пишет Данелия в своих воспоминаниях, дружба с народным поэтом Дагестана обернулась для него ощутимыми привилегиями. Как-то раз, в самом начале работы над сценарием фильма, он с Гамзатовым приехал на «Москвиче» Данелии в Дом литераторов пообедать. Пока хозяин машины запирал ее и снимал щетки, чтобы не украли, Расул прошел в ресторан. Данелию на входе остановил швейцар и потребовал

удостоверение (в Дом литераторов пускали только по членским билетам Союза писателей, а у него такого не было).

– Я шофер Расула Гамзатова, – сообразил Данелия и показал ему щетки.

– Проходите, – пригласил тогда швейцар.

Лет через десять, когда приехала итальянская делегация – София Лорен, Марчелло Мастрояни, Луиджи де Лаурентис, – Данелия пригласил их на ужин в ресторан Дома литераторов.

За эти годы он стал узнаваемой личностью: его несколько раз показывали по телевизору в «Кинопанораме», фотографии мелькали в журнале «Советский экран». И теперь в Доме литераторов его встречали тепло и сердечно.

Когда они все вошли в вестибюль, Данелия сказал вахтерше:

– Это итальянские гости. Они со мной.

– Пожалуйста, пожалуйста, очень рады вас видеть! – поприветствовала его вахтерша.

Он повел гостей к гардеробу. За спиной слышит мужской голос:

– Ты чего это пускаешь кого попало? Почему членские билеты не спрашиваешь?

Данелия обернулся. К вахтерше подошел важный мужчина (как потом выяснилось, администратор Дома литераторов).

– Это не «кто попало», это гости того товарища, – вахтерша показал на Данелия.

– Гражданин, я извиняюсь, Вы член Союза писателей? – спросил администратор.

– Нет.

– Федор, не раздевай! – была дана команда гардеробщику. – Сожалею, но у нас только для членов Союза писателей.

Но тут вахтерша поспешно, громким шепотом сообщила:

– Это шофер Расула Гамзатовича!

Администратор тут же расплылся в дружелюбной улыбке и сказал:

– Что же ты сразу не сказала? Здравствуйте, дорогой! Федор, раздевай!

Дом литераторов хранит память о великом дагестанце. На стене ресторана ЦДЛ надпись:

Пить можно всем,
Необходимо только
Знать, где и с кем,
Когда, за что и сколько.

Из воспоминаний Мурада Кажлаева.

Он ждет в гости Расула, его жену Патимат в своей квартире на улице Маркова, на четвертом этаже. Появляется запыхавшийся Расул и говорит: «Мурад! Быстро наливай коньяк! Патимат уже на третьем этаже!».

Одна из самых любимых тем Расула Гамзатова – его шутки о непьющих людях.

В Махачкалу приехал важный и «нужный» гость – министр промышленного строительства СССР Александр Герасимович Токарев. В аэропорту его встречают руководители Дагестана и, конечно, Расул Гамзатов. Кортеж машин въехал в Махачкалу и на улице Ленина, у светофора, что рядом со зданием Республиканской библиотеки (тогда строящимся), произошел инцидент. Совершенно пьяный дагестанец вышел на проезжую часть дороги и, положив руки на капот черной «Волги», уставился на ее пассажиров. Желая сгладить возникшую неловкую ситуацию, министр обратился с вопросом: «Расул! А как ты относишься к пьяным?». Ответ был молниеносным: «Пьяных – терплю, пьющих – приветствую, непьющих – боюсь!».

Наш выдающийся южнодагестанский мудрец, сам обладающий великолепным искусством дагестанского юмора, Багаутдин Гаджиахмедович Ахмедов рассказывал мне, что в бытность его работником обкома ВЛКСМ он принимал участие во встрече секретаря ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельникова. На банкете, естественно, присутствовали первый секретарь обкома КПСС Магомед-Салам Ильясович Умаханов, другие члены республиканского руководства и, как непременное украшение банкета Расул Гамзатов. Багаутдин Ахмедов немного опоздал и как обычно, был «наказан». Многие помнят «суровые» наказания Шахрутдина Магомедовича Шамхалова – непременный полный граненный стакан водки и никакой закуски.

Конечно, молодой ответственный комсомольский работник не хотел в присутствии своего московского начальства да и перед партийным руководством Дагестана опустошить стакан, боясь неизбежных в таких случаях оценок. Но приказ М-С. И. Умаханова был коротким и безапелляционным:

«Пей!». Багаутдин выпил. Присутствующий за столом Расул сразу же бросил короткую реплику: «Готовый ответственный секретарь Союза писателей Дагестана!». Должность на то время была вакантной. Не жалко, что ее занял не Багаутдин Ахмедов, но жалко, что не нашлось в Дагестане человека, который ходил бы за Расулом и записывал бы каждую его шутку! Многие помнят,

например, известную остроту Гамзатова о том, кто такие комсомольцы: «Пьют, как взрослые, работают, как дети!».

Жизнелюб, мудрец Расул не мог не быть лучшим тамадой Советского Союза. Его признавали его друзья – Евгений Максимович Примаков, президент Северной Осетии Галазов. Его тосты были краткими, афористичными и поэтому запоминающимися. Германский канцлер Бисмарк не зря говорил, что речь должна быть краткой и оскорбительной! Писатель Юрий Бореев рассказывал, что во время одного из застолий Расул поднял тост за него: «Выпьем за Юру Борева! У него была тысяча возможностей стать подлецом, но он не воспользовался ни одной из них».

8 октября 2003 года президент России Владимир Путин пригласил народного поэта Дагестана в его резиденцию «Бочаров ручей» в связи с 80-летним юбилеем. Во встрече приняли участие Даниил Гранин, Давид Кугультинов, Нани Брегвадзе, дочери Расула. В своем тосте Расул пожелал главе государства, «чтобы его друзья жили, как он хочет, и его враги жили, как он хочет».

На одной свадьбе в Буйнакске, где присутствовал Расул, каждый второй из тостующих считал своим долгом провозгласить тост за него. Расулу много лет, но при каждом таком тосте (он уважал этикет горцев) он тяжело поднимался и слушал стоя. В конце свадьбы, когда очередной тост прозвучал не за молодых, а за него, он, обращаясь к Гамзату Магомедовичу Гамзатову, говорит:

– Надоел мне этот Расул Гамзатов! Как озеро красят лебеди, свадьбу красят жених с невестой, а не Расул Гамзатов!

22 октября 2001 год. Я вместе с женой, Изумруд Мужаидовной, Хаписат Магомедовной Гамзатовой, депутатом Государственной Думы, зашли проведать лежащего в больнице Расула Гамзатовича. Хаписат Магомедовна заботливо поправляет постель на кровати. Расул мгновенно разражается шуткой: «К сожалению, в последнее время я больше известен как неряха, чем поэт». Не каждый человек умеет подтрунивать над собой и даже заниматься самоуничижением. Только уверенные в себе, знающие себе цену люди могут позволить себе привилегию смеяться над собой.

В тот вечер он много рассуждал о тех новых явлениях, которые появились в Дагестане. Я описал ему сценку, случайно подсмотренную в Махачкале. В аэропорту имени Амет-хана Султана к трапу самолета подъезжают три одинаковых черных джипа «Гелентваген», без номеров. Пассажиров не выпускают, пока не выходит и не садится в самолет какой-то «Кинг-Конг». Я увидел этого человека через день на пляже около своего дома.

Те же три черных джипа. Из одного из них выходит наш знакомый, он важно поднимает руки вверх, а его телохранители снимают с него рубашку…

Расул Гамзатович печально улыбнулся и сказал: «Раньше дагестанские литераторы поддерживали слабых, а сейчас – сильных». Он вспомнил в связи с этим, что отношения между литераторами и властью в Советском Союзе развивались не совсем правильно, приведя пример с Хрущевым, который в своей поездке в США в конце 50-х годов XX века решил взять с собой Михаила Шолохова в качестве визитной карточки советской литературы. Когда президент США Дуайт Эйзенхауэр решил посетить СССР с ответным визитом, он решил пригласить в поездку Эрнеста Хемингуэя. Но тот посчитал предложение быть «приложением» к президенту оскорбительным для себя и даже предположил, что это шутка, розыгрыш. «Зачем мне его (президента) сопровождать, уж лучше он меня сопровождает».

Чуть позже проведать Расула Гамзатовича пришел руководитель «Сулакэнерго» Нурмагомед Алиев. Он только что вернулся из хаджа, с увлечением рассказывал о поездке, о ярких впечатлениях. От предложенной ему рюмки коньяка он, естественно, отказался. Расул сразу же бросил реплику: «Ваша высокая мораль нам не понятна!». А об одном из депутатов Государственной Думы, коллеге Хаписат Магомедовны, который даже на заседаниях не снимал папаху, он сказал: «Наверное, он думает, что ум находится в папахе, а не в голове».

Тут же он рассказал притчу о голове охотника (которую он использовал в своей повести «Мой Дагестан»). Три охотника узнали, что в ущелье, недалеко от села, скрывается волк, они решили его поймать. О том, что произошло, у разных народов Дагестана сложилось несколько вариантов. В пересказе Гамзатова, волк, спасаясь от преследовавших его охотников, забрался в нору. Вход в нее был только один, и то очень узкий: голова еще пролезет, но плечи уже нет. Охотники притаились в кустах, приготовили винтовки и началось томительное ожидание. Проходит час, другой, третий, но волк затаился. Самому нетерпеливому охотнику надоело ждать. Он подполз к норе, снял папаху, отложил ее в сторону и просунул голову в нору. Два других охотника с удивлением наблюдали, как их товарищ не пытался ни продвинуться вперед, ни вытащить голову обратно. Наконец, и им надоело ждать. Они подошли к своему другу, пошевелили его и вдруг обнаружили, что головы у того нет. Между ними возник спор: а была ли голова у него вообще? Один утверждал, что была, другой – как будто не была. Тело принесли в аул. На годекане продолжился спор. Один мудрый старец,

расспросив про обстоятельства случившегося, предположил, что судя по тому, что охотник полез в нору с волком, головы у него не было вовсе, причем, с самого рождения. Чтобы прояснить ситуацию, обратились к вдове охотника. Она ответила, что не помнит, была ли у мужа голова, помнит только, что каждый год он откладывал деньги на приобретение папахи.

Рассказывает Гамзат Магомедович Гамзатов.

Он отдыхает вместе с Расулом Гамзатовым в санатории «Москва» в Железноводске. Это было одно из любимых мест отдыха поэта. Здесь, у горы Машук, он чувствовал себя, как в родном Цада. Вечерами, проведя большую часть дня за столом, работая, он спускался из своего номера, выходил на прогулку. Гамзат Магомедович часами просиживал, как и многие отдыхающие, за шахматной доской. К ним, играющим, подходит Расул и говорит: «Меня тошнит от того, как бездарно вы проводите свой отпуск!».

И о больной голове. На соболезновании встретились Расул Гамзатов и бывший министр культуры Дагестана Абдулатип Гаджиев. Расул Гамзатович был без настроения. У него были большие бригады московских литераторов в гостях, а сейчас немногие способны понять, какой это был тяжкий труд – встречать огромное количество гостей! Каждый приезжающий в республику стремился попасть в гостеприимный дом Гамзатовых. Видя состояние Гамзатова, Абдулатип Юсупович стал говорить о том, что, несмотря на длительность застолья, количество гостей, у него никогда не болит голова, не повышается давление и что он никогда не пьянеет. Расул Гамзатович терпеливо и внимательно выслушал собеседника и сказал: «А все-таки нормальная голова должна болеть!».

Я был школьником, в летнее время наша семья жила на правительственной даче в Ачи-Су. Это был четырехэтажный дом, на каждом этаже по четыре квартиры. Наша была справа, с видом на море, рядом с семьей Абуевых. Это позже Расул переехал в свой коттедж, чуть севернее. А на первом этаже была бильярдная комната, буфет и квартирка, где жила тетя Мила – комендант дома. Помню, как шумно было, когда на дачу приезжал Расул Гамзатович со своими гостями. После того, как им вместе с Яном Френкелем была написана бессмертная, непревзойденная песня «Журавли», Френкель был его гостем, гостем Дагестана. Это непростая обязанность! В общем, вечером подвыпившие гости играли в бильярд. Надо заметить, что вместо стен в бильярдной были стекла, причем всегда чисто вымытые. Я помню, как высоченный Ян Френкель, с кием в руке, не увидев стекло, проломил его своим телом и упал. Хорошо, что это первый этаж,

и он упал в кусты.

История, рассказанная профессором Магомедом Юсуфовым.

В самый разгар антиалкогольной компании в подмосковном санатории Союза писателей СССР вместе отдыхают Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Давид Кугультинов, Мариэтта Шагинян. Там же оказывается профессор Юсуфов. Дагестанцы, оказывающиеся рядом с народным поэтом Дагестана, всегда считали честью быть полезными ему. И тут предоставился подходящий случай. Расул обратился к земляку утром, во время завтрака:

– Слушай, Магомед! Есть один священный напиток, в создании которого главная роль принадлежит Солнцу, а в названии его слышен топот копыт коня и яка. Этот напиток помогает нам, поэтам, лучше понять людей, и мы, поэты, становимся из-за этого ближе им и понятнее. Но сейчас настали сложные для нас поэтов времена. Надо иметь нюх собаки, чтобы найти, где можно купить спиртное. В общем, друг, я верю в тебя, в твою находчивость: табасаранцы никогда не подводили Расула. Расул никогда не подведет табасаранцев!

После таких слов профессор не мог не найти коньяк, причем дагестанский. В одном московском магазине он обнаружил шотландский скотч 18-летней выдержки. В буфете гостиницы «Россия» за баснословную цену можно было купить французский коньяк. Но искать надо было только дагестанский. Совершенно случайно в одном ювелирном салоне, где продают изделия кубачинских мастеров, оказались миниатюрные бутылочки дагестанского коньяка, сделанные, как патроны, и такого же размера. Всего их осталось в магазине только 72 штуки. Конечно, все они были выкуплены Юсуфовым, и он с гордым видом принес свой трофей вечером Гамзатову.

– Магомед! Не надо слов, по твоему лицу вижу, что с задачей ты справился, а значит – наливай! – сказал Расул.

Когда же он увидел ворох маленьких бутылочек, его восторгу не было предела. В комнату вошел Чингиз Айтматов. Обращаясь к нему, Расул говорит:

– Чингиз, у нас в республике живут аварцы, даргинцы, еще тринадцать народов и табасаранцы. Про них я теперь могу сказать, что из всех дагестанских народов они самые изобретательные и самые терпеливые, не то что мы, аварцы. Как только он удержался и по дороге не опустошил пару этих крох? Смотри на него – у него ни в одном глазу!

В номере оказались только самые маленькие рюмки, и тут проявились пагубные последствия антиалкогольной компании. Обращаясь к Магомеду, поэт сказал, что срочно нужна бечевка.

Изумленный Магомед не удержался и поинтересовался, зачем ему нужна бечевка.

– Как, не понимаешь?! Рюмки такие маленькие, а мы с Чингизом так давно не чувствовали вкус божественного напитка! Мы люди увлекающиеся, можем незаметно проглотить эти наперстки, так что нужна бечевка.

Скоро карликовые бутылки были опустошены. На распечатывание 72 бутылочек ушло больше времени, чем на поглощение их содержания. Компания спустилась в вестибюль санатория, где в кресле, с книгой в руках сидела постаревшая Мариэтта Шагинян. Между ней и Расулом началась словесная перестрелка. Она тоже любила пошутить. Она обратилась к Расулу, подметив, что он слегка покраснел.

– Слушай, Расул, ты сегодня сам на себя не похож. Кажется, в тебе не осталось ничего от горца, я уж не говорю, что трудно представить, что ты джигит.

Расул иногда позволял себе шутки в общении с женщинами. Одной красавице, например, он так энергично поцеловал руку, что она отметила этот порыв.

– Как страстно вы целуете!

– А я не руку, а бриллиантовое колечко.

– А почему же не руку?

– Горские обычаи не позволяют!

Мариэтта Шагинян, известный автор, много лет писала биографию Ленина, и ей Расул задал едкий вопрос:

– Чем заканчивается твоя «Лениниана», Мариэтта?

– Что, опять выпил лишнее, Расул?

– Если бы я выпил много, вряд ли бы я смог вспомнить название твоего романа.

– А сколько вы на самом деле выпили? Все вместе?

– 72 бутылки коньяка!

– Расул, перестань смеяться и шутить, я же тебя серьезно спрашиваю!

– А я не шучу, и готов держать пари, что сказал правду. Могу спорить: не веришь – докажу. Но если я правду сказал, это будет означать, Мариэтта, что ты проиграла мне бутылку армянского коньяка!

Убежденная в легкой победе, Мариэтта Шагинян поднялась на лифте в комнату Расула и увидела десятки бутылочек от сувенирного коньяка. Она поняла, что Расул ее разыграл.

– Ну что, давай считать, – предложил с улыбкой Расул.

– Нет, не буду, верю. Но учти, с сегодняшнего дня я считаю

тебя не только большим национальным поэтом, но и большим хитрецом. Ты поступил, как Молла Насрудин!

70-е годы. Я учусь на юридическом факультете МГУ имени Ломоносова. Отец часто приезжает в Москву и останавливается в гостинице «Москва».

Утро. Образовалась очередь людей, стоящих у окошка для поселения в гостиницу. В очереди генералы, депутаты Верховного Совета СССР. Узнаваемые люди. Появился Расул, ему тоже надо поселиться в гостиницу. Надо понять, какова была слава и известность Гамзатова в Москве в эти годы. Все расступаются, пропуская вперед поэта, на нем желтая дубленка, красный мохеровый шарф… Когда Расул достал из кармана удостоверение депутата Верховного Совета СССР и передал его в окошко, какой-то любопытствующий из очереди вдруг спрашивает:

– А что за удостоверение у вас, Расул Гамзатович?

– Охотничий билет!

Говорят, что однажды, провожая гостей, Расул в вестибюле гостиницы искал швейцара, чтобы тот вызвал такси. Обращаясь к солидному седовласому человеку в кителе, с красными лампасами, он сказал:

– Швейцар, срочно такси!

– Я не швейцар, Расул Гамзатович, я адмирал флота!

– Извините, не разглядел. Но тогда хотя бы катер!

Вспоминает помощник министра промышленного строительства СССР Алексей Алексеевич Мурашев.

В 1980 году Расул Гамзатович позвонил министру из больницы. Несмотря на состояние здоровья, Расул заботился о своих избирателях-дагестанцах. Министр спрашивает: «Как дела, Расул?» – «Плохо». – «Почему? Ты где?» – «В Центральной клинической больнице». – «А что с тобой?»

– «СЭРДЦЭ!»

В этот день он пробивал дополнительное финансирование строительства Дербентского коньячного завода. При этом он говорил: «Не хочу, чтобы наш хороший народ травили плохим коньяком!».

История, рассказанная Муху Гимбатовичем Алиевым, первым президентом Дагестана.

В 80-е годы XX века он работал заведующим отделом организационной партийной работы Дагестанского обкома КПСС. Лето, жара, воскресенье, и, тем не менее, Муху Гимбатович на работе, в служебном кабинете. К нему заходит его однофамилец,

хорошо известный всем дагестанцам Джамалутдин Рамазанович Алиев, заведующий отделом легкой пищевой промышленности и торговли обкома партии. Он, между прочим, уроженец села Кутиша. О них Расул Гамзатов говорил, что кутишинцы – это аварцы, но «со знаком качества».

Итак, Джамалутдин Рамазанович поведал о том, что он был вчера в компании Расула, было много гостей. Расулу пришлось выпить, выпил и он.

– Если у меня так болит голова, то и у Расула Гамзатовича, видимо, та же проблема.

Два заведующих отделами обкома КПСС решили поехать на базу отдыха коптильно-маринадного комбината, которая находится в трех километрах севернее Ачи-Су, на побережье Каспийского моря. Там в свое время было форельное хозяйство, и в больших чанах плавала живая форель.

Там, на побережье, Муху Гимбатович и Джамалутдин Рамазанович перекусили. В ходе беседы зашел разговор опять о Расуле: как ему, наверное, плохо в эту жару, после вчерашней встречи гостей. Появилась идея – поехать в Ачи-Су морем, на лодке, причем без одежды, в плавках, чтобы Патимат не заподозрила, что два уважаемых в республике человека везут Расулу лекарства в виде бутылки водки и шампура шашлыка. А надо сказать, что от базы отдыха до Ачи-Су, где дача Расула Гамзатовича, по прямой, морем, не меньше трех километров. А если на море волны, то этот путь увеличивается втрое! Итак, в плавках два взрослых человека сажаются в шлюпку и договариваются грести по очереди, чтобы не устать. Первым за весла сел Джамалутдин Рамазанович, который как горец сидел за веслами, видимо, первый раз в жизни. Словом, его палец попал в уключину, мгновенно почернел, и он как гребец вышел из строя. Тяжелый путь морем пришлось проделать одному гребцу – Муху Гимбатовичу, второй держал в руках гостинцы Расулу. В общем, путешествие оказалось непростым.

Наконец, через два часа, шлюпка достигла Ачи-Су, ее спрятали на берегу и два путника пошли в дом, который находится на холме, метрах в двухстах от берега. Когда подошли ближе к дому, услышали в доме шум, голоса женщин, заходить в плавках в дом двум ответственным работникам обкома КПСС явно не с руки. На счастье, появляется Газиев Зубаир, хунзахец, – кстати, потомок одного из главных наибов имама Шамиля – Ахвердил Магомы. Он в то время работал заместителем председателя Дагпотребсоюза и тем самим был в зоне влияния Джамалутдина Алиева, который поручил ему срочно найти одежду для них. Задача была выполнена, Зубаир принес рабочий

комбинезон с пятнами краски для Джамалутдина, а Муху Гимбатовичу вообще достался какой-то балахон рыбака. Вид был ужасный, и в таком обличье гости зашли в дом Расула. Патимат, конечно, изумленно подняла брови, но ничего не сказала и доброжелательно пригласила Муху Гимбатовича, к которому здесь относились с особой симпатией и доверием, пройти в комнату. В гостях у Гамзатовых в этот день был их водитель в Москве, грузин по имени Вано. Расул Гамзатович чрезвычайно обрадовался появлению гостей, стал намекать Патимат, что надо оказать уважение гостям. Но та была непреклонна. Врачи строго предупредили ее о том, что надо оберегать Расула и не давать ему возможности употреблять спиртное. С большим интересом он выслушал рассказ о морском путешествии, заметив философски: «Тот, кто хоть раз переплыл реку, знает о жизни больше, чем тот, кто наблюдает за рекой десятилетие». Водитель по имени Вано, не зная Муху Гимбатовича, решил, что это какие-то работяги, случайно зашедшие к гостеприимному хозяину. Ему, видимо, тоже хотелось выпить. Он попросил Муху Гимбатовича выйти на балкон и говорит:

– Дорогой, ты местный?

– Да, я тут живу.

– Слушай, вот тебе три рубля, сбегай, принеси бутылку водки из ближайшего магазина: видишь, как хозяин мучается.

Сначала у Муху Гимбатовича было желание возмутиться, объяснить, кто он, но потом он решил пошутить над Вано. Для этого он сказал, что хозяйка, Патимат, любит деньги, и будет правильно понято, если Вано предложит три рубля на покупку водки ей. Тот последовал совету, осторожно пригласил Патимат выйти и на улице предложил ей три рубля. Патимат с хохотом возвращается в дом и говорит гостям:

– Я много чего видела в этом доме, у меня в гостях было много разных людей, но первый раз в жизни мне предложили три рубля за бутылку водки.

Но все-таки она проявила свою принципиальность. Она говорила, что вчера Расул переборщил, что она дала слово и себе и врачам.

Тогда гости пригласили Расула прогуляться, и там, на берегу, они угостились бутылкой водки, не забыв и про Вано.

А теперь вторая история, рассказанная Муху Гимбатовичем Алиевым.

Он тогда жил в доме на улице Оскара. Во втором часу ночи звонок в дверь. Встревоженный хозяин открывает дверь и видит Расула Гамзатовича. Извинившись, гость говорит, что он не один, с ним маршал авиации. Махачкалинцы помнят, что в городе был

человек, работающий в санавиации, к которому приклеилось прозвище «маршал». Но, оказалось, что на самом деле в гости к Муху Алиеву и его жене Зейнаб пришел вместе с Расулом герой Халхин-гола, Отечественной войны, Маршал авиации Судец. Тут же был накрыт стол, радостные хозяева начали потчевать гостей. За столом возникла тема, которая постоянно мучила поэта. Дело в том, что многие тогда из чистой зависти говорили о том, что сами по себе стихи Расула на аварском языке звучат не так, как это звучит на русском в великолепных переводах Гребнева, Козловского, Юнны Мориц. Это было очень несправедливо по отношению к поэту, и следы его переживания можно обнаружить во многих стихах, в интервью, в статьях Расула Гамзатова. И вот, охваченный этой мыслью, он просит хозяина дома разбудить его маленького сына, чтобы тот прочитал маршалу Судецу стихотворение «Берегите друзей» на аварском языке.

На русский язык его перевел Наум Гребнев, перевод великолепный:

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть, мгновенный,
Изливать покуда не спеши.
Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай,
Провинился друг и повинился —
Ты ему греха не поминай.
Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших лет и дней
Легче мы своих друзей теряем,
Обретаем их куда трудней.
Если верный конь, поранив ногу,
Вдруг споткнулся, а потом опять,
Не вини его – вини дорогу
И коня не торопись менять.
Люди, я прошу вас, ради Бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей.

На аварском языке эти слова звучат как чарующая музыка, это одна из вершин гамзатовского поэтического творчества. Вот почему для него было так важно, чтобы маршал послушал музыку стиха аварского языка. Хаджи-Мурат, сын Муху Гимбатовича, дошкольник, встал на стул и стал декламировать стихотворение,

которое он выучил наизусть. Растроганный, он позвонил Патимат и, несмотря на поздний час, объяснил, что он в гостях у любимого Патимат Муху, что его сын прочитал замечательно его стихи, попросил прислать с кем-нибудь только что вышедшую книгу стихов на аварском языке. Книгу привезли, и она была подписана автором со следующим посвящением юному Хаджи-Мурату:

> «Дорогой Хаджи-Мурат!
> Мои дети, к сожалению, не могут читать так хорошо на аварском языке, как ты. Но и твой отец, мой друг Муху, не может так хорошо писать по-аварски, как я!».

Мои воспоминания о Р. Г. Гамзатове.

На обложке сборника стихов для детей «Звезды детства», изданного в 2003 году, Расул Гамзатович написал посвящение моему сыну Абдулле:

> «Внуку моих друзей, сыну моих друзей и моему лучшему другу Абдулле с добрыми дагестанскими пожеланиями».

Да, он был другом моего отца – Гаджиева Абдуллы Гадисовича. В книге воспоминаний о нем есть рассказ, написанный Раей Муркелинской. Она поведала о том, как 18 июля 1960 года моя мать, Роза Тагировна, родила моего младшего брата – Шамиля. Она почти весь день провела с ней в роддоме на улице Батырая. Когда все закончилось благополучно, по пути домой она заехала на улицу Дзержинского, дом 8, где мы жили, чтобы поздравить Абдуллу с рождением сына. Жили мы тогда на первом этаже. Отец стоял у окна бледный и очень нервничал. Прямо со двора через открытое окно тетя Рая сообщила отцу весть о рождении сына и сразу ушла. В их квартире на улице Советской вестей ждал ближайший друг отца и муж тети Раи – Данияла Мамаевич Гаджиев, тогда ректор сельхозинститута. Он тоже очень обрадовался сообщению о рождении второго сына в семье его друга. На следующий день, рассказывает Рашидат Юсуповна, когда она пришла с работы домой, то увидела в гостях у них моего отца, Расула Гамзатова и Даниял Мамаевича Гаджиева. Все они были веселые и оживленно беседовали. Она запомнила слова Расула:

– Теперь у тебя два джигита и дочь. Не забывай, что если бы не я, то ты до сих пор ходил бы в кумухских холостяках.

Дело в том, что мужчины из села Кумух, действительно, женятся зачастую после сорока лет. Считается, что мужчина

должен встать на ноги, то есть получить образование или профессию, заработать самостоятельно денег, построить дом, в который приведет невесту. И сейчас помнят шуточный тост: «Так выпьем же за наших лысых кумухских женихов!».

Тетя Рая с женским любопытством поинтересовалась, а в чем же состояла заслуга Гамзатова. Расул Гамзатович припомнил, что однажды весной 1952 года они стояли вечером на углу улиц имени Буйнакского и имени Дахадаева, напротив гостиницы «Дагестан», которую, кстати, строил (в качестве прораба) мой отец. Это было самое оживленное место в городе – место встреч, прогулок, отдыха молодежи, наш махачкалинский Бродвей. Оказывается, Расул в очередной раз убеждал моего отца жениться (отцу было уже 33 года), говорил, что у него «критический возраст». И тогда мой отец показал на группу девушек, стоящих напротив, на улице, около рыбного магазина, и указал на одну из них: «Я женюсь вот на этой девушке, если она согласится!». Это была моя мать – Роза Тагировна.

В середине 50-х годов прошлого века мой отец был начальником Управления стройматериалов, потом министром местной промышленности ДАССР; начиная с первых дней моего рождения и до трехлетия, он вел дневник, записывал все примечательное в моих первых поступках, шагах, потом словах. На последних страницах этого дневника запись от 27 августа 1956 года (это день моего рождения): «23 часа. Только что проводили гостей с торжества, посвященного трехлетию Гадиса. Вечер прошел чудесно. Юбиляр утвердительно отвечал на вопрос: «А сколько тебе лет?» – «Мне три года». И в интонации чувствуется гордость, и он вправе гордиться. На вечере блистал остроумием Расул Гамзатов. И не зря – украшением вечера была Нателла Шалвовна и ее брат – парисовской красоты Важа, ласкательно Важико. Чудесные грузины! Гадис на вершине блаженства: ему дядя Минатулла подарил машину – самосвал».

А вот сохранившееся новогоднее поздравление, которое я бережно и с гордостью храню среди множества фотографий, на которых отец рядом с Р. Гамзатовым:

> *«Дорогой Абдулла Гадисович!*
>
> *Новый Год как бы как новоселье, как новый рубеж жизни и времени. На том рубеже было много хорошего, прекрасного, радостного, светлого. Желаю, чтобы все это не осталось только там. Но было с Вами, развиваясь, умножаясь, чтобы еще светлее и радостнее было в Вашем доме, Вашем сердце, в нашей стране и во всем мире. Если*

были огорчения и всякое неразумное, туманное, пусть останется на том рубеже и не повторится, и, как говорил Блок:

Сотри случайные черты,
И ты увидишь, мир прекрасен.

Ваш Расул Гамзатов».

На стене в моей квартире висит фотография. На ней отец, в середине я, справа Расул Гамзатов, в костюме, в черной водолазке. Снимок датирован 4 октября 1954 года – в день тридцатипятилетия моего отца. Расул Гамзатов тоже был у нас в гостях. В архиве отца десятки фотографий поэта. Вот фотография 1960 года – памятные Дни дагестанского искусства в Москве. Они проходили в апреле в Кремлевском Дворце съездов. На ней Борис Смирнов – Секретарь Союза художников РСФСР, поэт Алим Кешоков, Яков Козловский, в центре стоял мой отец, Абдулла Гадисович Гаджиев, Министр культуры РСФСР А. Попов, Расул Гамзатов, его жена Патимат, справа – Наум Гребнев.

На фотографии 1970 года Гамзатов стоит у разрушенной мечети села Миатли после майского землетрясения. Фотография, на которой Абуталиб Гафуров, в руках у него зурна, справа смеющийся Расул Гамзатович. А вот фотография начала 60-х годов: на границе Дагестана и Чечни стоят Н. Ткаченко, первый секретарь горкома Хасавюрта, Юсуп Хаппалаев, Расул Гамзатов встречают делегацию из Чечено-Ингушской республики.

9 сентября 2000 года. Я вместе со своим другом Омаром Абдуллаевым навещал Расула Гамзатовича. К сожалению, и этот свой день рождения он провел в Диагностическом Центре на Воробьевых горах. Днем у него коллеги-литераторы из Германии. Кто-то из них поинтересовался, а какой избирательный блок поддерживает поэт. Это был период, когда «Отчизна» Лужкова-Примакова соперничала с «Единой Россией» Путина. Расул ответил, что он знает и поклоняется только одному «блоку» – Александру Блоку! Да, он был истинным поэтом! Все в жизни он воспринимал сквозь призму поэзии. В этот день по телевидению прошло сообщение, что французский Президент Жак Ширак пытался переводить на французский язык стихи Пушкина, и Ширак сразу вырос в глазах дагестанского поэта.

Расул Гамзатович вспоминал про встречи и дружбу с моим отцом. Он говорил, что всегда был убежден, что он начнет писать, что у него есть литературный дар. (После смерти отца в издательстве «Современник» под псевдонимом Шовкул была

издана его книга «Биллаяти»). О деятельности отца, а также Магомеда Шамильевича Абуева, двух заместителях Председателя Совета Министров Дагестанской АССР он вспоминал с восхищением, назвав их «гигантами». Очень уважительно он говорил об Эффенди Капиеве, отметив, что, если во всех уголках Советского Союза узнали про Махмуда из Кахаб-росо, о Сулеймане Стальском, об Ирчи Казаке, об Омарле Батырае, то в этом большая заслуга Капиева.

Об отце Расул Гамзатович рассказывал, что именно он познакомил его с лакской интеллигенцией и, в частности, с поэтом Юсупом Хаппалаевым, большим другом моего отца. Мне запомнился его живописный рассказ о его впечатлениях от первого посещения Союза писателей Дагестана в 40-е годы XX века, в котором Хаппалаев занимал какую-то высокую должность. Молодой Расул застенчиво вошел в большой кабинет и увидел сурового мужчину, который что-то писал. Увидев вошедшего, мужчина – а это был Юсуп Хаппалаев – грозно спросил молодого человека, кто он, откуда. От известия, что это сын Гамзата Цадасы, лицо сурового начальника прояснилось, и тогда он спросил: «Пишет?». Расулу подумалось, что его спрашивают, пишет ли он сам стихи, и он тут же с жаром начал рассказывать о них. Но Юсуп Хаппалаев его резко прервал и сказал: «Да не ты! Отец пишет?».

Зачарованные, мы с Омаром слушали рассказы Гамзатова и не заметили, что засиделись. На прощание он нам сказал: «Я сам Герой Социалистического труда. Вас же я произвожу в Герои социалистического терпения! Все равно Ваши лица для меня лучше, чем Ваши спины!».

Мы знаем, что поэт написал и издал десятки сборников поэзии, что он был Председателем Правления Союза писателей Дагестана, что он долгие годы был членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям. Но почему-то мы не заметили, что ежедневно он трудился, проявляя дружелюбие и гостеприимство. Сколько людей он вынужден был принимать! Скольким людям он помог! А это ведь невидимый и тяжелый, каждодневный труд, который принес свои плоды: после смерти поэта о нем осталась не просто слава великого поэта, но и человека, славного своей добротой. Знаменитый грузинский поэт Паоло Яшвили тоже писал отличные стихи, но люди запомнили, что он брал деньги в долг и иногда забывал отдавать…

Я помню, как 4 октября 1969 у нас дома отец отмечал свое пятидесятилетие. Гостей было человек двадцать. Тогда не было

принято проводить такие мероприятия в ресторанах, да их, собственно, почти и не было! Когда гости начали расходиться, отец поручил мне сопроводить домой Расула Гамзатовича. От нашего дома на ул. Дзержинской до дома Гамзатова недалеко, метров четыреста. Поэтому пошли пешком. Я был безмерно горд, что иду рядом с великим человеком, и поэтому боялся промолвить хоть слово. Поняв это, Расул Гамзатович начал шутить, сказав, что, наверное, у моего отца были серьезные опасения, что он, Расул, может вернуться в застолье, и поэтому он поручил сыну довести поэта до калитки его дома!

Но настоящая встреча с поэтом, с его духовным миром произошла уже в школе. Прежде всего, я вспоминаю уроки английского языка, которые у нас в 13-й школе вела Нина Васильевна Зайцева. Вот это истинный почитатель творчества Гамзатова! Она обожает его стихи и часто на ее уроках, вместо изучения английского языка или английской литературы, возникали споры о творчестве поэта. Многие из нас, школьников, повторяли глупость, что Расула «сделали» его переводчики. Я, каюсь, тоже спорил с Ниной Васильевной. Как сейчас помню, что я ссылался на гамзатовские строки «и люблю малиновый рассвет я, и люблю лазоревый закат я…» и спрашивал, неужели аварский язык настолько богат, что в нем есть такие слова? Эти наши досужие детские глупости рождались от разговоров взрослых, и эта болтовня очень болезненно воспринималась поэтом. Я где-то читал потом, что один мудрый человек успокаивал Расула: «Расул – ты великая скала поэзии. Нет никакого вреда от того, что случайно проходящие путники бросают в нее горсть мелких камешков!».

Нина Васильевна Зайцева, читая стихотворение за стихотворением, последовательно и с большим жаром доказывала, что в стихотворениях есть мысль, есть чувство, и это не может быть мыслью переводчика. Наверное, положил конец этим спорам Гамзатов, написав «Мой Дагестан». Кажется, эту прозу до уровня подстрочника перевел Омар-Гаджи Шахтаманов, потом руку приложил Вл. Солоухин, но все равно это – авторизованный перевод мыслей Гамзатова. Что же касается рифмы в стихах Расула, то, как говорил мне Шамхал Дибиров, по мнению Расула, она не была характерна для аварской поэзии, в которой роль рифмы играла аллитерация.

– Нечего пришивать медные пуговицы на черную бурку, – говорил поэт.

В девятом классе я начал читать стихи Гамзатова. Некоторые я читал десятки раз и заучил наизусть:

Если в мире тысяча мужчин
Снарядить к тебе готовы сватов,
Знай, что в этой тысяче мужчин
Нахожусь и я – Расул Гамзатов.
Если пленены тобой давно
Сто мужчин, чья кровь несется с гулом,
Разглядеть меж них немудрено
Горца, нареченного Расулом.
Если десять влюблены в тебя
Истинных мужей, огня не спрятав,
Среди них, ликуя и скорбя,
Нахожусь и я – Расул Гамзатов.
Если без ума всего один
От тебя, не склонная к посулам,
Знай, что это – с облачных вершин
Горец, именуемый Расулом.
Если не влюблен в тебя никто
И грустней ты сумрачных закатов,
Значит, на базальтовом плато
Погребен в горах Расул Гамзатов.

Своими стихами Гамзатов создавал страну, в которую хотелось приехать и своими глазами увидеть землю пленительных женщин и храбрых мужчин.

Наверное, поздно близ белых вершин
Явился я в мир, чьи распахнуты шири:
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Не пришлось мне застать в этом мире.
Я рано, наверно, над бездной годин
Под желтой луною седлал иноходца,
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Увидеть не мне, а другим доведется.
А может, мой предок – вожатый дружин —
Завидует мне, что, далекий раздору,
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Я больше встречаю, чем он в свою пору.
И, может, грядущего времени сын
Тому позавидует, что под луною
Знавал я немало друживших со мною
Пленительных женщин и храбрых мужчин.

А потом я начал читать его прозу. Особенно хорошо я знаю и

помню «Мой Дагестан». Дел о в том, что я вырос в городе и не знал с детства родной лакский язык. Точно знал с десятка три слов и фраз. В восьмом классе я решил самостоятельно изучить родной, или, как у нас точно говорится, материнский язык. В этих целях я начал параллельно читать эту повесть на русском и на лакском языках. «Мой Дагестан» был издан в 1968 году в лакском переводе М. К. Алиева. Как же я был удивлен и даже поражен, когда я обнаружил в этом издании фрагменты, которых не было в русскоязычном издании, благодаря, видимо, усилиям цензоров.

Что же было исключено в русском переводе книги? Это очень любопытно, поскольку показывает, что считалось невозможным печатать в советское время. В главе «О смысле этой книги и ее названии» была изъята страничка о «слишком идейных коммунистах». Поэт писал о том, что от таких больше вреда, чем пользы. А далее он рассказал про Михаила из селения Итль. После гражданской войны конюхом в Хунзахском райкоме партии работал Михаил Григорьевич Гусейнов. На самом деле, он не был назван при рождении Михаилом, отец дал ему имя Магомед. Он изменил дагестанское имя. Его старый отец сказал тогда новоявленному Мише:

– Да будь проклята мать, родившая такого сына! Я назвал тебя Магомедом, это твое имя, но ты имел право свое имя изменить. Но кто дал тебе право изменить и мое имя? Почему я, Гасан, стал Григорием? Я твой отец, я по-прежнему жив! Я хочу оставаться Гасаном!

Ничего не ответил участник гражданской войны. Так он и служил в райкоме партии конюхом, но при этом оставался слишком идейным. Я встречал таких фанатично преданных Советской власти горцев, бывших красных партизан. Один из них вставал ежедневно в шесть часов утра, включал радио, и когда раздавались звуки государственного гимна, он вытягивался в струнку и отдавал честь невидимому Сталину!

Так вот, такие люди, как Михаил Григорьевич, были в Дагестане, это метко подхваченный Гамзатовым типаж, образ малообразованного, но беззаветно преданного Советской власти горца.

В это время, в тридцатые годы, учитель хунзахской школы Гаджи получил выговор по партийной линии за то, что он не указал в анкете при вступлении в ВКП (б) (Всесоюзная коммунистическая партия большевиков), что его умерший давно двоюродный брат был из ханского рода. Понурив голову, печальный Гаджи шел пешком по дороге в свой родной аул Батлаич. В пути ему встретился райкомовский конюх Михаил Григорьевич. Завязался обычный разговор, составляющий важную

составную часть горского этикета. Учитель Гаджи поделился своей бедой и услышал в ответ:

– Мало тебе выговора! Тебя надо было изгнать из нашей сталинской партии! Какой ты партиец, какой из тебя коммунист?! Настоящий член партии должен немедленно сообщать… Даже если это и не двоюродный брат, если это сестра, брат, даже если это твой умерший отец!

Учитель Гаджи поднял глаза на сидящего верхом на лошади Михаила Григорьевича и сказал:

– Не зря народ называет тебя слишком идейным! Нам с тобой не о чем больше говорить!

Гаджи свернул с дороги на тропинку, которая срезала и сокращала дорогу в село.

– Ты куда? – удивился Михаил Григорьевич.

– Куда угодно, но только не одной дорогой с тобой!

– Вай! Я же к коммунизму иду, неужели ты сворачиваешь с дороги, ведущей к коммунизму…

– Даже к коммунизму мне не хочется идти рядом с тобой.

Другой такой слишком идейный партиец написал в райком партии жалобу: «Сколько я ни пытался убедить свою жену словом и даже силой, моя жена не проявляет старания в изучении «Краткого курса истории ВКП (б). Прошу руководство райкома партии оказать мне помощь в идейном воспитании несознательной женщины».

Казалось бы, эти непритязательные истории про «слишком известных товарищей» – просто шутливые. Истории, которые где-нибудь за столом вызывают улыбку. Но если попытаться разгадать зашифрованное наставление Расула Гамзатовича, то можно обнаружить несколько смыслов: один из них состоит в том, что всякие крайности нелепы и смешны! Человек, не знающий меры, вызывает осуждение или смех. Нельзя кичиться своей скромностью, то есть быть слишком скромным.

Нельзя быть даже слишком порядочным! Если ты имеешь дело с явно непорядочным человеком, проявление изменений порядочности может обернуться бедой. Нельзя быть и слишком культурным! Понять это труднее! Давайте вспомним времена Средневековья, когда Русь заполонили монголы. Академик Марр писал, что произошло это и потому, что монголы были сильны своей дикостью. С сильными людьми надо демонстрировать свою силу.

Другой смысл шутки о слишком идейных товарищах может быть еще более масштабным. Он может характеризовать менталитет россиян, с их склонностью к импульсивности и

крайностям. Говорят же, сравнивая Европу и Россию: «Если у них насморк – у нас холера!».

На дверях Союза писателей Дагестана однажды появилось строгое предупреждение: «Плохо знающим теорию вход в помещение Союза писателей строго запрещен». Говорят, известный в Дагестане поэт Абуталиб Гафуров как-то по делам решил зайти в Союз писателей, увидел объявление на дверях, понурил голову и развернулся, ушел прочь.

Далее в «Моем Дагестане» на лакском языке говорится о том, что в Махачкале есть много разных кладбищ: христианское, мусульманское, еврейское… Один из слишком идейных товарищей выступал на совещании республиканского актива. Он сказал:

– Мы каждодневно ведем борьбу за укрепление дружбы между народами, а между тем у нас продолжают существовать разные кладбища. Настало время создать единое для всех кладбище. Можно дать ему название: «Дети одной семьи». Мои отец и мать были верующими, они молились Аллаху. Сегодня я, член партии ВКП (б) с 1937 года, хотел бы, чтобы мои родители были похоронены на общем кладбище. Да, настало время создать в нашем интернациональном городе единое интернациональное кладбище.

Я спросил у Расула Гамзатовича про эти отсутствующие в русском переводе сюжеты. Он тогда, помнится, оживился и сказал, что это истории, рассказанные его отцом, Гамзатом Цадасой, который, будучи мудрым человеком, подмечал эти причуды и очень иронично высказывался по их поводу.

Я помню «Мой Дагестан» чуть ли не постранично! Особенно мне нравится притча про балхарского гончара. Сколько в ней мудрости, ненавязчивого житейского совета и опыта! Именно с помощью таких устных рассказов горцы формировали характер человека. Они всегда считают слабым человеком того, кто горяч, вспыльчив, не умеет сдерживать слова и эмоции. Шахрудтин Магомедович Шамхалов говорил об этом: «Это наши любимые кавказские слабости…».

Вспомним эту притчу.

Притча о балхарце и его кляче.

Один балхарец нагрузил своего беднягу коня горшками, кувшинами, плошками и отправился по аулам торговать. В аварском ауле был в этот день праздник скачек. Горячие джигиты съехались сюда на своих еще более горячих конях. И джигиты были прославлены, и кони были прославлены. Джигиты были стройны и

красивы, а их кони еще стройнее и красивее. Глаза у джигитов горели отвагой и азартом, глаза у коней горели огнем нетерпения.

Наездники начали уж выстраиваться в ряд, как вдруг на площадь въехал мирный балхарец, а его лошадь, казалось, совсем засыпает на ходу. Молодые джигиты подняли балхарца на смех.

– Давай присоединяйся к нам!

– Давай мы и твою клячу запишем в скакуны.

– Почему бы и ей не потягаться с нашими скакунами?

– Давай скачи вместе с нами, а то некому будет подбирать за нами подковы.

В ответ на все эти насмешки балхарец молча стал сгружать со своей лошади горшки, кувшины и плошки. Спокойно он сложил товар в одну кучу, спокойно сел верхом на коня и занял место в ряду джигитов.

Кони у джигитов рыли копытами землю, вставали на дыбы, перебирая в воздухе передними ногами, тогда как лошадь балхарца дремала, понурив голову.

И вот начались скачки. Как вихрь, понеслись горячие кони. Поднялось облако пыли, и в этом-то облаке, в самом хвосте его, побежала и лошаденка балхарца. Закончился один круг скачек, потом другой, третий. Всем было заметно, как устают кони, на них появилась испарина, потом на них появилась пена, она хлопьями падала в горячую пыль. Ноги у скакунов как будто все больше немели, быстрота замедлялась. Как ни хлестали своих коней джигиты, как ни били их в бока задниками сапог, ничто не могло заставить коней скакать быстрее. И только кляча балхарца скакала, как прежде, – не тише и не шибче. Она сначала догнала задних, потом сровнялась с передними, а потом на последнем, десятом, круге обошла и передних. На понурую шею балхарской клячи пришлось повязывать гордый призовой платок. Балхарец спокойно подвел свою лошадь к горшкам, погрузил их и поехал дальше.

Ироничный юмор Расула Гамзатова продолжает традицию остроумной прозы его отца – Гамзата Цадасы. Вот письмо Гамзата о его впечатлениях от посещения Москвы. Трудно определить, где тут вымысел, а где – реальность, где – ирония, а где – серьезный разговор:

«Похоже на то, что здесь, в Москве, не разводят огня в очагах, чтобы приготовить пищу, ибо я не вижу женщин, которые лепили

бы кизяк на стены своих жилищ, не вижу над крышами дыма, похожего на большую папаху Абуталиба. Не вижу я и катков для укатывания кровель. Не вижу, чтобы москвичи сушили сено на крышах. Но если они не сушат сена, то чем же кормят своих коров? Не увидел я ни одной женщины, бредущей с вязанкой хвороста или травы. Не услышал я ни разу пения зурны или удара в бубен. Можно подумать, что юноши здесь не женятся и не играют свадеб. Сколько я ни ходил по улицам этого странного города, ни разу не увидел ни одного барана. Но спрашивается: что же режут москвичи, когда порог переступит гость? Чем же, если не зарезанным бараном, отмечают они приход кунака? Нет, я не завидую этой жизни. Я хочу жить в своем ауле Цада, где можно вволю поесть хинкалов, сказав жене, чтобы она побольше положила в них чесноку…».

Гамзат, дающий совет Расулу, почти на каждой странице «Моего Дагестана». Это его наставления, его жизненная мудрость стали основой творческого образа, стиля поэта.

Я часто видел Расула Гамзатова в 70-е годы в летние месяцы в Ачи-Су, на правительственной даче, где мы жили, повторяюсь, по соседству. Все знали, что с утра народный поэт работает. Где-то в 10–11 часов он выходил из дома, в рубашке поверх брюк, и шел на море. Купался и загорал он недолго. Сейчас, когда перед моими глазами образ поэта, я вспомнил известную его шутку, которую рассказал бывший министр культуры Дагестана Абдулатип Гаджиев. Это было на Кубе, при встрече с Фиделем Кастро. Подтянутый Фидель сказал что-то советскому послу, показав глазами на живот Расула. Тот заметил и спросил посла, что было сказано Фиделем. Посол перевел слова лидера кубинской революции. Расул в долгу не остался! Он попросил посла перевести и сказал: «Дорогой Фидель, когда произошла наша российская революция, ее лидеры тоже были тощими, как ты сейчас!».

Самое интересное из моих воспоминаний того периода – это общение великого поэта, знаменитого дагестанца, всегда находящегося в гуще именитых людей, с людьми простыми.

Так, садовником на даче работал дядя Петя. Я не помню его отчества и фамилии. Он приходил рано утром с железнодорожной станции Ачи-Су, где был его маленький дом и где, кстати, родился Председатель Госплана СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР Николай Константинович Байбаков. Дядя Петя был исключительно трудолюбивым, скромным тружеником. Весь день под палящим летним солнцем он с оголенным торсом появлялся то в одной части правительственной зоны отдыха, то в другой, почти не

присаживаясь. Только Расул Гамзатович останавливал эту непрерывную деятельность. Он обычно подходил к дяде Пете и начинал беседу. Самое поразительное, что беседа проходила, что называется, на равных! Нет, я, к сожалению, не помню, о чем были эти беседы, не хочу выдумывать. Но я точно помню, как один раз дядя Петя пригласил Расула Гамзатовича в магазин в здании пансионата, где продавщицей работала очень невзрачная и даже некрасивая Наташа. Помню только, как поэт обращался к Наташе, используя знаменитые пушкинские строки: «Наташа! Голубка дряхлая моя!».

Шофером у отца работал молодой парень по имени Гамид. Он был простым, даже наивным человеком, очень улыбчивым и добрым. Что такое «держать дистанцию», соблюдать возрастную иерархию, он не представлял. Как-то раз мы сидели с ним в будничный день на скамейке, у входа в пансионат. Вышел народный поэт. Гамид подошел к нему и несколько развязно спросил:

– Расул Гамзатович! Какими новыми стихотворениями Вы нас порадуете?

На что получил ответ:

– А что ты из старых читал?

Стихи и шутки Расула помнят не только в Дагестане. Недавно я был на дне рождения председателя Уставного суда Санкт-Петербурга. Случайно зашел разговор о Гамзатове. Сидящий слева от меня генерал-полковник МВД, бывший руководитель ленинградской и петербургской милиции, встает и начинает читать наизусть «Берегите друзей»

Затем неожиданно, как бы приняв вызов, встал судья городского суда Санкт-Петербурга, мужчина средних лет, и продекламировал:

В горах джигиты ссорились, бывало,
Но женщина спешила к ним и вдруг
Платок мужчинам под ноги бросала,
И падало оружие из рук.

О, женщины, пока в смертельной злости
Не подняли мечей материки,
Мужчинам под ноги скорее бросьте
Свои в слезах намокшие платки.

А вот история, впервые рассказанная мне Маратом Викторовичем Баглаем, бывшим Председателем

Конституционного Суда России. В 70-е годы он был членом Президиума Всесоюзного общества дружбы с народами Азии и Африки. Заседания президиума проходили в Москве, на пр. Мира. Работники аппарата разносят бланки телеграмм и спрашивают, не хочет ли кто-либо послать телеграмму. Большинство сидящих в президиуме отказываются, и только Расул Гамзатов, как всегда, поступает нестандартно. Он берет бланк и выводит на нем свое послание: «Дорогая Патимат! Сижу в президиуме, а счастья нет!».

Эту же историю описал в своей книге Георгий Данелия:

«В шестидесятых годах Народного поэта Дагестана Расула Гамзатова избрали (назначили) членом Президиума Верховного Совета СССР (высший орган законодательной власти). Расул впервые явился на заседание этого Президиума и занял свое место за длинным столом. Вокруг стола ходили хорошенькие девушки в белых кофточках с бантиками и деликатно спрашивали у членов Президиума: «Не хотели бы вы послать телеграмму?» Расул сказал, что хочет. Взял у девушки гербовый бланк, на котором сверху, красным по белому, написано: «Правительственная телеграмма», что-то написал, отдал бланк девушке и сказал:

– «Молнию», пожалуйста!

Девушка быстро, почти бегом, направилась к выходу из зала заседаний.

– Девушка! Одну секундочку! – остановил ее Председатель Президиума Анастас Иванович Микоян. – Расул Гамзатович, я думаю, товарищам интересно, кому наш любимый поэт в этот памятный день отправляет телеграмму и что он написал? Если это не секрет, конечно.

– Не секрет. Пусть девушка прочитает.

Девушка посмотрела в телеграмму и покраснела.

– Дайте мне, – сказал Микоян.

Девушка принесла ему бланк с телеграммой, и Анастас Иванович прочитал: «Дорогая Фатимат! Сижу в президиуме, а счастья нет. Расул». (Фатимат – жена Расула).

Это ему простили. Обиделись немножко, но простили.

… На одном из заседаний после голосования Микоян сказал:

– Товарищи, Министерство здравоохранения рекомендует через каждый час делать пятиминутную производственную гимнастику. Думаю, и нам стоит последовать этому совету. Не возражаете?

– Возражаем, – сказал Расул.

– Почему? – насторожился Микоян.

– Я целый час руку поднимаю – опускаю, поднимаю – опускаю. Разве это не гимнастика?

И это ему простили!

Но когда на правительственном банкете в Кремле по случаю юбилея Октябрьской революции Расул поднял тост «За дагестанский народ, предпоследний среди равных», а на вопрос: «Как это могут быть среди равных предпоследние?» ответил: «Последние у нас – евреи», это ему уже простить не смогли! На него так обиделись, что даже исключили из членов Президиума. Но через какое-то время вернули, – видимо, поняли, что без Расула Гамзатова на Президиуме очень скучно.

Многое из сказанного Гамзатовым стало афоризмами. Упомяну только последний:

«Дагестанцы, берегите эти бесплодные голые скалы: кроме них, у вас ничего нет!».

В прошлом году в Германии, в Мюнстере, умерла моя учительница по русской литературе Софья Оскаровна Пастернак, женщина, которую я почитаю, которая развила во мне любовь к литературе и к творчеству. Она же была учительницей дочерей Расула Гамзатова – Заремы и Патимат. Три года назад я во время служебной поездки в Германию нашел время и проведал ее в Мюнстере. Софья Оскаровна, моя старая учительница, потеряла слух, она меня практически не слышала. В конце девяностых годов в ее скромную квартирку на ул. Гагарина ворвались грабители, ее ударили по голове, и как последствие удара – у нее исчез слух. Мне было больно, слезы были и на глазах Софьи Оскаровны, беседа не получалась. До следующего поезда, на котором я должен был вернуться в Берлин, было три часа. И тогда моя учительница начала рассказывать. Оказалось, что у нее и у Расула Гамзатова были общие педагоги. Расулу в Литературном институте преподавали профессора Асмус, Реформатский, Шамбинаго, Тимофеев, Рациг. Они же преподавали в знаменитом институте – ИИФЛИ.

В 1940 году в ИИФЛИ поступила учиться и Софья Оскаровна. Родилась она в Баку, в семье известного аптекаря, который дружил с отцом Генерального Прокурора СССР, академика Вышинского. Но как разошлись дороги их детей! Софья Оскаровна вышла замуж за молодого преподавателя ИИФЛИ по фамилии Пастернак. В 1941 году в июне, сразу же после начала войны, он добровольцем пошел на фронт, и в сентябре этого же года погиб на фронте. Свою молодую жену, которая была в положении, он отправил в начале августа к своим родителям, в Украину, в Днепропетровск. Не доезжая до него, поезд попал под авианалет, Софья Оскаровна вынуждена была бежать через пшеничное поле. Случился выкидыш. Пешком добралась она до Днепропетровска, где уже были немцы. Она выбросила свой

паспорт, в котором была запись о том, что она еврейка, и стала выдавать себя за армянку. Муж сестры ее мужа оказался негодяем, он сразу же стал служить в полиции и постоянно говорил в присутствии моей учительницы:

– Чую я, что Софа – жидовка!

А потом, рассказала Софья Оскаровна, она не выдержала ужаса ожидания беды и бежала в лес. Но голод заставил вернуться к людям, она попала под облаву, и ее отправили на поезде на работу в Австрию, где она и провела, работая на фабрике, все годы войны.

До последних дней своей жизни она оставалась моей учительницей. Поразительно, но она лучше меня, живущего в России, знала обо всех литературных новинках и театральных постановках, которые стоило посмотреть. В сентябре прошлого года, уже после ее смерти, я получил от нее последнее письмо, в котором она советовала мне прочитать «Зеленый шатер» Л. Улицкой. И я понял, почему этот роман оказался ей столь близок. В нем идет речь о школьном учителе, фронтовике, который в 1940–41 годах учился в ИИФЛИ. В конверт вложена фотография, на заднем плане старенький советский проигрыватель и большая пластинка с записями песен на стихи Расула Гамзатова, с его фотографией и с дарственной надписью моей учительнице. Вот что написано в этом письме:

«Недавно моя бывшая коллега, сейчас работающая в Министерстве культуры Дагестана, прислала мне газету «Дагестанская правда: Литературный Дагестан», выпущенную к годовщине смерти Расула Гамзатова. Большую часть газеты занимают воспоминания об отце младшей дочери Расула – Салихат. Есть еще много интересного о литературной жизни республики, о развивающейся, несмотря ни на что, культуре нашего горного края.

Я прожила в Дагестане 43 года, полюбила его добрый гостеприимный народ и страну, где на моей памяти не было никаких этнических конфликтов, а лично ко мне было прекрасное отношение, любовь и уважение моих учеников, которым я отдавала всю свою душу. Именно поэтому так больно бывает читать и слышать по ТВ о терактах и всяких спецоперациях, сотрясающих нашу республику, где у меня остались близкие люди и задушевные друзья. И так радует любое сообщение о положительных явлениях в жизни Дагестана.

Я знаю, как дорога тебе память о Расуле Гамзатове, как много интересных материалов о нем собрал лично ты. Поэтому иметь эту газету тебе было бы полезно».

А вот письмо, написанное Софьей Оскаровной в ноябре 2010

года с ее воспоминаниями о Расуле Гамзатове и семье Гамзатовых:

> «Да, это был замечательный человек (о его поэтическом даре столько сказано, что повторяться не следует). Но о его человеческих качествах можно говорить и вспоминать много и долго. Я приведу лишь один факт, касающийся лично меня. В 1972 году в Ленинграде умерла моя сестра. Я вернулась в Махачкалу после похорон измученная душевно этой неожиданной потерей. А через пару дней после моего приезда мне привезли новую книгу стихов Расула с очень трогательным автографом (книгу эту я привезла сюда, в Германию). А что касается нападок на него, связанных с его постом председателя Союза писателей Дагестана, то и об этом знаю – увы! не понаслышке (из этических соображений пропускаю одно предложение – Г. Г.). Мне об этом рассказывала мать Джеммы – Зумрут Запировна (Джема – дочь Магомеда Саидовича Юсупова, брата Патимат, жены Р. Гамзатова)».

Я не стану приводить письмо полностью, хотя в нем и есть важная информация и о Расуле, и о его всепрощающей доброте. Время не настало публиковать письмо полностью…

Но далее в письме есть еще вот что: «Много сделал Расул, чтобы помочь профессору Махачеву, оболганному клеветником З. (я думаю, ты знаешь эту историю), даже отдал свою дочь Патимат за сына Махачева, Османа. Я была на этой свадьбе и должна сказать, что многие, кого я знала, в трудное время отвернувшиеся от Махачева (мне рассказывала Ольга Владимировна Клоцман, член райкома партии, где разбиралось «дело» Махачева), на свадьбе выказывали ему уважение и расточали хвалу. Конечно, после этой свадьбы все переменилось: профессора восстановили в заведовании кафедрой в Дагмединституте, вернули все почести, и прекратилась бессмысленная травля человека за то, что он, будучи ребенком, высланным в 30-е годы с «кулаками»-родителями, скрыл от партии этот факт… Вспоминая сейчас эти страшные времена, я понимаю, как много доброго сделал людям Расул, не боясь критики «сверху». Воистину, великий был человек».

Я не стал приводить фамилию человека, который послал «сигнал» в обком КПСС о М. Махачеве, все-таки у него есть дети, надо уважать их память. Но это, видимо, был один из тех «слишком идейных» товарищей, о которых Расул написал в «Моем Дагестане», что и было исключено цензурой в русском переводе,

но сохранилось, к счастью, в переводе повести на лакском языке.

И еще одно письмо Софьи Оскаровны, 2005 года: «Что же касается моих воспоминаний о Расуле Гамзатове, то я с ним не очень часто общалась, больше времени я проводила с его женой Патимат, так что, к сожалению, кроме своей статьи-некролога по случаю его смерти, опубликованной в местной газете для русскоговорящих читателей, мне к твоему сборнику добавить нечего. Те немногие встречи с ним у нас в школе и у него дома не оставили ярких воспоминаний».

Воспоминания о последних встречах

Повторяюсь, слишком часто мои беседы с Расулом Гамзатовичем проходили на больничном фоне, чаще всего в Диагностическом центре на Воробьевых горах. Но было и одно исключение: 3 января 2003, в год 80-летия поэта, я со своей женой Зумруд был в гостях у него, на ул. Абубакарова. В канун нового, 2003 года – года Козла – по центральному телевидению был показан репортаж из Дагестана. Диктор, комментируя красивые горные пейзажи с отарами овец, сказал, что Дагестан – это республика, где баранов больше, чем людей. Мы вместе посмеялись над этим достижением.

Потом разговор приобрел серьезный характер. Я сказал Расулу Гамзатовичу, что можно было бы создать общественный комитет по его выдвижению на Нобелевскую Премию. Изложил свои аргументы: Гамзатов в последние годы своего творчества разработал совершенно новую для мировой поэзии тему, он показал глубины духовного мира человека, которому много лет, который устал, потерял любимую жену, многих друзей, но не готов, тем не менее, покинуть мир.

Уходит, уходит, кончается
Израненный войнами век.
Но лодочка жизни качается
Еще в ледяной синеве.

Меня всегда восхищала способность Гамзатова одухотворять то, что изначально невозможно представить одухотворенным. «Израненный войнами век!» Какая замечательная метафора и сравнение!

Что же молчишь ты, заброшенный дом,
Или меня узнаешь ты с трудом?
Дом, возведенный руками отца,
Что своего не встречаешь птенца?

Камни сказали: «Пойми наконец,
Что нам за радость, неумный птенец,
Если под крышу родного гнезда
Гостем ты на день влетишь иногда?

Или:

Ночь нудна, как длинная повесть.
Ночь темна, как нечистая совесть.
Как надоедливый гость эта ночь —
Медлит и не уходит прочь.

Размышления поэта о смерти – это совершенно новая страница в мировой литературе. О смерти писали и Пушкин, и Лермонтов, но то были элегические стихотворения совсем молодых людей, перед которыми была перспектива долгой жизни. Последние стихи Расула тоже элегичны, печальны, задумчивы и даже глубоко скорбны. В них мысли человека, думающего о перспективе смерти.

Со мною смерть поссориться не жаждет.
Она давно уж, перейдя на «ты»,
Плыла за мной по морю не однажды,
Гналась в горах, чтоб сбросить с высоты.

Расул говорил о своем 80-летии: «Мне исполняется восемьдесят лет: я не знаю, хорошо это или плохо!».

Очень характерной манерой Расула Гамзатовича было то, что самые серьезные темы он подсвечивал шуткой. У меня всегда перед глазами это лицо уже старого человека, но – о чудо! – как только оно расплывалось в улыбке, видны были только молодые, полные жизни глаза! Самое позитивное воспоминание – это хохочущий Расул.

По совету моей жены, я повесил в своем служебном кабинете в Конституционном Суде России, в величественном дворце, где раньше находился Правительствующий Сенат, высший орган власти императорской России – в кабинете, где, кстати, заседал в качестве сенатора знаменитый Анатолий Федорович Кони, большую фотографию. На ней Расул в черной папахе, с ярким модным галстуком, вместе со своей Патимат под белой буркой укрывается от дождя. Все заходящие в кабинет обращают внимание именно на эту фотографию, и я заметил удивительное явление: у всех всегда поднимается настроение! Образ хохочущего Расула передает людям положительные эмоции!

В ходе той беседы о Нобелевской Премии я говорил, что Нобелевский Комитет еще не награждал поэтов и писателей,

которые находятся в своем творчестве на стыке христианской и мусульманской цивилизаций. (А ведь эта идея материализовалась: в 2006 году Нобелевская Премия была вручена турецкому писателю Орхану Памуку, который по матери, кстати, является кавказцем, черкесом).

Расул Гамзатович отнесся к моей идее вполне серьезно. Он сказал, что должны быть рекомендации одного или двух живущих лауреатов Нобелевской Премии. Но, как оказалось, мечтой поэта было получение к своему 80-летнему юбилею другой, национальной премии. Он мне рассказал о Пушкинской премии. А я подумал о том, что в XX веке у Дагестана появился свой Пушкин. Но это был не один человек, а два: отец и сын. Гамзат Цадаса и Расул Гамзатов – они вместе сделали то, что сделал Пушкин в русской литературе. И это величайшее счастье для человека, когда об отце говорят – это отец Расула Гамзатова, а о сыне – это сын Гамзата Цадаса!

Пожалуй, самое лучшее пожелание каждому дагестанцу – чтобы о нем говорили так же!

Пушкинская премия учреждена Петербургской академией наук в 1881 году и являлась самой значительной. Вручалась «за напечатанные на русском языке оригинальные произведения изящной словесности в прозе и поэзии». С 1881 по 1919 годы присуждалась 23 раза. Получали ее А. Н. Майков, Я. П. Полонский, А. А. Фет, С. Я. Надсон, И. А. Бунин, А. П. Чехов, А. И. Куприн, В. В. Вересаев, К. М. Станюкович…

Рецензентами книг соискателей были самые выдающиеся знатоки: историки, поэты, критики. Кандидаты утверждались на заседании АН под предводительством великого князя К. К. Романова («К. Р.»). Он же лично отбирал лауреатов. Материалы заседания публиковались отдельной солидной книгой. К примеру, «Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук…», посвященный 15-му присуждению премии им. Пушкина за 1903 год, насчитывал 200 страниц плотного набора. Заседания проводились 19 октября в день первого выпуска Царскосельского лицея.

Об этой мечте Гамзатова знал Председатель Госсовета Республики Дагестан наш многоуважаемый Магомед-Али Магомедович Магомедов. Он предпринимал большие усилия для того, чтобы осуществить желание поэта.

Но по каким-то причинам, мне не известным, в 2003 году Пушкинская премия была присуждена посмертно Олегу Чухонцеву.

Как мне известно, документы на присуждение премии Гамзатову направлялись в Комитет по Государственным Премиям,

на Старую площадь, в Администрацию Президента РФ.

Но в связи с тем, что Пушкинскую премию присудили Чухонцеву, Магомед-Али Магомедович обратился к В. В. Путину, Президенту России, с просьбой отметить знаменательный для Дагестана юбилей. Путин отреагировал мгновенно, поручив готовить документы о присуждении Расулу самой высокой награды в России – Ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Тут надо вспомнить и про такую немаловажную деталь: в 2002 году при огромной поддержке Валентины Ивановны Матвиенко, в то время заместителя Председателя Правительства России, эта же высочайшая награда была вручена Фазу Гамзатовне Алиевой. Говорят, что в связи с 70-летием Фазу Расул послал ей телеграмму: «Любимому врагу в день семидесятилетия».

О взаимоотношениях Расула Гамзатова и Владимира Владимировича Путина.

В день смерти поэта, 3 ноября 2003 года, разговариваю по телефону с Сергеем Евгеньевичем Донцовым, заместителем Председателя Пенсионного Фонда России. Выразив мне соболезнования, он вспомнил о совещании, которое проводил Путин в декабре 1999 года, будучи еще Председателем Правительства России. На визирование к нему, как выразился Донцов, «подсунули жабу» – проект Указа Президента РФ об освобождении нефтяной компании «Юкос» от уплаты пени за невнесение средств в Пенсионный Фонд. (Речь шла о сумме в 300 млн рублей). В ходе совещания Путин вспомнил о своей недавней встрече в Дагестане с Расулом Гамзатовым:

– Я вот недавно встречался с Расулом Гамзатовым. Жалко, у него болезнь Паркинсона, руки ходуном ходят. Но вот что он мне сказал: «Почему за то, за что раньше голову власть откручивала, сейчас даже уши не крутят?».

Замечу, что этим Путин показал свое глубокое понимание того, как рождаются такие государственные решения в виде проектов Указов…

По поводу дрожания рук. В последнюю нашу встречу по телевизору показывали репортаж из Ватикана. На экране папа Павел с сильно дрожащими руками. Расул, у которого у самого такая же болезнь, шутит:

– Как говорят итальянские коммунисты, чем иметь такого папу, лучше быть сиротой!

На приеме у В. В. Путина по случаю годовщины событий 1999 года на дагестано-чеченской границе Расул сказал:

– Раньше религия была отделена от государства. Сейчас от государства отделена поэзия, – я впервые встречаюсь с Президентом России.

А на встрече с Президентом России 8 сентября 2003 года он пошутил:

– Сегодня наша литература переживает то, что пережил виноград во время антиалкогольной кампании, когда в Дагестане была вырублена вся виноградная лоза.

В этот день Расул Гамзатович искрометно шутил. Зашел разговор об одном из политиков. Поэт спросил, а почему у него всегда такое скучное лицо? Оно такое скучное, как первая статья Конституции!

В этой шутке слышны отголоски его размышлений о совершенно другой Конституции – Конституции горца.

Помнится, я рассказывал о том, что вышеупомянутый политик умел находить общий язык с Администрацией Президента, на что Расул Гамзатович шутливо заметил:

– Молодец, сидит верхом на ишаке и доволен жизнью!

Я рассмеялся и сказал, что за ним все, что он говорит, надо записывать.

– Меня и так всю жизнь КГБ записывало, – ответил он.

Полковник КГБ Магомед Абдуллаев вспоминал, как в 1972 году в Тегеран, где он тогда работал, приехал Расул Гамзатов. Он выступал на вечере поэзии и, как всегда, шутил. С ним в составе делегации советских писателей были и Мустай Карим, и хорошо известный ираноязычному читателю таджикский поэт Мирзо Турсун-Заде. Расул был руководителем делегации. В начале встречи он представил своих друзей.

Мустай Карим

Сначала – Мустая Карима, великого башкирского поэта, автора бессмертных строк:

Долгая жизнь и короткая старость,
Думается, этого хватит вполне.
Ведать не ведаю, сколько осталось, —
Дольше, чем нужно, не надобно мне.
Мера важна. И бессмыслен избыток,
Коль через край наливаешь вино:
В землю уйдет он, желанный напиток,
В землю уйдет, пропадет все равно…

Расул назвал все регалии поэта: лауреат множества литературных премий, депутат Верховного Совета, многократно награжденный герой Отечественной войны и так далее. Затем столь же торжественно он представил иранцам великого таджика Мирзо Турсун-Заде. Сейчас это лицо с денежной купюры Таджикистана. Расул перечислил его регалии: Герой Социалистического Труда, народный поэт Таджикистана, лауреат Ленинской и Сталинской премий. А потом он начал говорить о себе:

– Я мог бы многое рассказать о себе, но не вижу в этом необходимости. Иранцы – древний, мудрый народ. Вы сразу догадались, что, если я возглавляю делегацию писателей, в состав которой входят такие значительные и уважаемые люди, то какие же у меня звания и награды!

Магомед Абдуллаев, конечно, горел желанием пригласить поэта с женой в гости, на хинкал. Но для этого надо было получить разрешение своего шефа – резидента. Тот сообщил, что по имеющимся у него данным, Расула Гамзатова с женой иранские спецслужбы поселили в номер гостиницы, который оборудован спецтехникой, и все его разговоры прослушиваются и записываются.

– Знает ли об этом Расул Гамзатович? – спросил Магомед.

– Да, знает. Расул Гамзатович много раз бывал за границей, он член Президиума Верховного Совета, такие вещи он хорошо должен знать. Вот только когда выпьет, забывает, что за ним следят, – ответил шеф.

Выходит, не только шутил поэт.

На мой вопрос о возрасте Расул Гамзатович сказал, что он помнит, что когда ему было пятьдесят лет, он на этот вопрос ответил: «50 лет – для богатого этого мало, а для бедного – много».

– Самый интересный возраст – возраст молодости. В Европе он один, а в Китае другой. Дагестан – в середине между Китаем и Европой, поэтому самый лучший возраст для дагестанского парня – 23 года, а для горянки – 18 лет.

– А вообще-то, я считаю, что есть только рождение и смерть человека: все, что между ними, – это молодость!

Эта мысль пожилого человека – истина. Человек стареет только телом. Его тело и его сознание, душа – это разные субстанции. Обнаружил это великий французский философ Декарт, которому принадлежат известные строки. «Пока человек мыслит, он существует. Душа человека, его сознание остаются молодыми!

Я бережно вспоминаю самые мелкие детали нашего разговора в начале 2003 года. О Хаписат Магомедовне Гамзатовой, депутате Госдумы, бывшем заместителе Председателя Правительства Дагестана Расул Гамзатов сказал:

– Все дагестанские женщины во власти делятся на две категории: Хаписат Гамзатова и все остальные!

Моя жена вспомнила, что в разговоре с ней Расул спрашивал, кто из современных дагестанских женщин может считаться самой выдающейся? Кажется, друг Расула Гамзатовича, бывший Президент Северной Осетии, в то время делился с ним идеей

организовать в Москве выставку, посвященную женщинам Кавказа. И тогда он тоже подтвердил, что две женщины – Роза Абдулбасировна Эльдарова и Хаписат Магомедовна Гамзатова – являются самыми значительными представительницами слабого пола. Но при этом Ахсарбек Галазов чуть ли не в качестве условия попросил дать материалы о Патимат Саидовне Гамзатовой, сказав, что он считает ее выдающейся женщиной Кавказа.

Расул поднялся на вершину на крыльях успеха. Моя жена постоянно повторяет, что этими крыльями являются мудрость, полученная от отца, и практичность, данная Патимат.

23 февраля 2003 года, последнего года жизни, поэт отдыхал в подмосковном санатории «Барвиха». Весь день ему звонили женщины. Поздравила его и моя жена, Зумруд, которая, конечно, сказала ему по телефону: «Мы Вас любим!». Расул отреагировал блестящей шуткой:

– Мне сегодня звонят, и почти все по телефону говорят: любим, целуем. Кажется, я достиг бесспорно зрелого возраста и вступил в период митинговой любви и телефонных поцелуев! А так хочется, чтобы кто-то просто пришел и сказал: «Расул, я тебя люблю, и я тебя целую».

Из рассказов Рамазана Абдулатипова.

Он как-то заехал к поэту и застал его страдающим от болезни. Чтобы поднять настроение Расулу Гамзатовичу, он попросил Магомеда Сайгидова, представителя Дагестана в Московской области, найти девушку, которая бы облегчила боль, сделав массаж. Поручение, конечно, было выполнено. Через день проведать поэта пришел Магомед-Али Магомедович Магомедов, проявлявший к нему максимально возможное внимание. Я должен извиниться и предупредить, что не знаю, достоверно ли это, но если этого разговора и не было, то тогда тем более замечательно, что молва приписывает поэту. Говорят, Расул обратился к Председателю Госсовета М-А. М. Магомедову с предложением учредить в Дагестане Министерство счастья! Улыбаясь, понимая, что рождается очередная знаменитая шутка Расула, Магомед-Али Магомедович сказал:

– Расул! Мы в республике не можем создать такое министерство, потому что на федеральном уровне нет соответствующего министерства. И зачем вообще его создавать, в чем причина?

– Причина проста. Есть один человек – Магомед Сайгидов. Он мне доставил столько счастья, что я считаю, что он готовый кандидат на пост министра счастья Дагестана!

Как-то раз Расул Гамзатов поведал о замечательном дагестанце, в 1957–1966 годах Председателе Совета Министров Дагестанской АССР, а с 1967 по май 1983 года – Первом Секретаре обкома КПСС Магомед-Саламе Ильясовиче Умаханове. Он вспоминал:

– Из всех дагестанских праздников больше всего он любил День чабана. Мы ездили на этот праздник с московскими гостями Львом Лещенко, Иосифом Кобзоном и нашими артистами. Меня удивило, что очень много чабанов он знал по именам. Однажды Магомед-Салам позвонил мне и говорит: «Какого хорошего певца я нашел! На зимних пастбищах на Кочубее услышал, как он поет. И вот привез его в Махачкалу, завтра вечер в филармонии. Ты не придешь, Расул?» – «Обязательно приду. Во-первых, очень люблю песни, а во-вторых, это же Ваше приглашение». И, действительно, привез случайного певца с животноводческих пастбищ, устроил вечер в республиканской филармонии с прекрасными песнями, дали ему звание заслуженного артиста. Говорят, этот чабан то возвращался к себе на пастбища, то приезжал в город, и так и не мог решить, где ему жить. А еще Расул вспоминал, как они вместе ездили в горы, в Тлярата:

– Умаханов любил рано вставать. Я не знаю, армейская ли это привычка или это осталось у него с детства: горцы встают до зари. Я и сам люблю вставать рано, но когда бы я ни просыпался, он уже бодрствовал.

Однажды вечером Магомед-Салам Ильясович позвонил мне и спросил, не хочу ли я поехать в Тлярата. Я как-то был в Тлярата вместе с Абдурахманом Данияловым, и у меня остались приятные воспоминания об этом визите. Я согласился еще потому, что мы часто говорили о совместной поездке в горы, но как-то не получалось. Выехали рано утром. Свежий воздух, горная дорога, непринужденная беседа на разные темы. И вдруг на вершине одной горы Магомед-Салам сказал водителю, чтобы он остановил машину. Я, конечно, подумал, что что-нибудь случилось, и спросил о причине столь внезапной остановки. Он ответил: «Выходи!». Я молча вышел, а водитель говорит, что Магомед-Салам Ильясович всегда в этом месте останавливает машину. Я осмотрелся: вокруг все спокойно, машина в порядке. Магомед-Салам спрашивает меня: «Расул, ты что, ничего не видишь?» Я в недоумении: «Ничего такого не вижу!». «Как же ты, стихотворец, поэт, ничего не видишь? Посмотри, какая тут кругом красота!». Для меня это был привычный пейзаж, но я словно впервые увидел текущие ручьи, густую зелень, семицветную радугу! И он опять: «Посмотри, какая величественная красота! От нее рождаются и стихи, и поэты». Я так удивился, что этот суровый воин, секретарь

обкома партии, человек устава и программы вдруг так заговорил о живой природе. «За эту красоту можно и погибнуть, но ради такой красоты и жить стоит», – сказал он. В этих словах была вся его любовь к Дагестану, к его природе.

И еще о певицах

В Санкт-Петербурге проводились Дни дагестанской культуры. На концерте, где присутствовал и губернатор города В. Яковлев, сидят Расул Гамзатов, Хизри Шихсаидов, Председатель Правительства республики. На сцене очень популярная аварская певица Хадижат Джамалутдинова, которая исполняет песню на родном языке. Губернатор, возможно, из вежливости интересуется, о чем поет певица. Хизри Исаевич, не знающий аварский язык, объясняет, что она поет о несчастной любви, о красавце Камалил Башире из Чоха… Расул Гамзатович прервал Шихсаидова и сказал, что он переведет песню дословно. В песне, сказал он, всего один куплет, и в нем рефреном повторяются слова: «Хизри! Дай… Хадижат квартиру, дай квартиру!». Оказывается, незадолго до поездки Расул Гамзатов приходил к Хизри Исаевичу с просьбой предоставить квартиру этой певице, которой поэт очень симпатизировал, и Председатель Правительства обещал выполнить эту просьбу, но забыл. По окончании концерта министр культуры Дагестана Наида Абдулгамидова вышла на сцену и сказала, что Председатель Правительства Республики Дагестан, находящийся в ложе для почетных гостей, просил передать всем зрителям и особенно Хадижат Джамалутдиновой, что в ближайшее время ей будет предоставлена квартира.

В октябре 2003 в Москве, в больнице, лечился Арсен Атаевич Атаев, руководитель Администрации Государственного Совета и Правительства Республики Дагестан, опытный управленец, ученый-экономист. В последние годы жизни он увлекся поэзией и издал несколько книг. Одну из них он подарил мне. Открыв наугад, я начал читать: «Есть женщины в кумыкских селениях…». Простодушно и, как сейчас я это воспринимаю, нетактично я воскликнул:

– Арсен Атаевич! Так это же начало известного стихотворения Некрасова!

– Не знаю, не читал, – ответил обиженный Арсен Атаевич.

Мы поднялись этажом выше и зашли в палату Гамзатова. Зашел разговор о памятнике отцу Арсена Атаевича, погибшего где-то на фронтах Великой Отечественной войны. Где он похоронен, неизвестно, но благодарная память сына проявилась в том, что на таркинском кладбище появился величественный памятник Абдулкадыру Атаеву. Рядом сейчас похоронен и сам Арсен Атаевич, в сотне метров от могилы Расула Гамзатова,

Шахрутдина Магомедовича Шамхалова (который сыграл огромную роль в становлении Арсена Атаевича), Магомеда Саидовича Юсупова, бывшего председателя горисполкома г. Махачкала.

Много раз Расул Гамзатов возвращал разговор к теме о завещаниях Шамиля и о памятнике себе. Конечно, это было предчувствие смерти. Через двадцать три дня великий дагестанец, знаменитый поэт умер.

3 ноября 2003 г. в Москве была отвратительная погода. С утра над городом нависли свинцовые тучи, шел мелкий то ли дождь, то ли снег…

Днем моя жена Изумруд Мужаидовна и Такибат Аллаудиновна Махмудова, в то время Государственный секретарь Республики Дагестан, поехали в больницу, находящуюся в самом центре Москвы, совсем рядом с Кремлем, на ул. Грановского. К ним вышел мужчина, который сказал, что Расул Гамзатов только что умер…

Так же, как и имама Шамиля, жизнь самого великого дагестанца XX века завершилась не в Дагестане.

А родился он 8 сентября 1923 года не в родном Цада, а в Среднем Арадерихе, где и жил в то время с семьей мулла Гамзат. Дом, в котором жил Гамзат Цадаса, самый красивый в селении, стены его обложены тесаным камнем. Местные жители называют его «хъалирукъ» (крепость-дом). Этот дом принадлежал самому зажиточному арадерихцу – Сахилу Магоме. Женой его была Пазилат. Всю их семью выслали в тридцатые годы как кулаков в Казахстан. В доме сохранилась и комната, где родился поэт. У окна находится тахта, на которой Хандулай родила третьего сына. Будущего поэта родители нарекли именем Магомед Расул. Мать часто называла его этим именем. В этой комнате девятилетняя Патимат, шестилетний Магомед, трехлетний Ахилчи увидели своего новорожденного брата… У Хандулай не было молока. Пришлось искать молочную мать. Ею оказалась Саидат, жена Али Идрисова, накануне родившая девочку, которую звали Залму.

Из записанного:

Расул о кровной мести: «Кавказская кровь долго сохнет…»

О богатстве: «У некоторых дагестанцев карманы набиты деньгами так, что они становятся больше, чем их головы».

«Бюллетень раньше давали врачи больным, а сейчас человек выписывает бюллетень больному обществу».

В машине, проезжающей по Махачкале, сидит один

состоятельный дагестанец, который показывает, проезжая мимо, на богатый особняк: «Вот окна моего дома!». Реплика Расула: «Лучше ты покажи дверь этого дома!».

Расула Гамзатовича попросили ответить на вопрос, почему на Дагестан в 90-е годы свалилось столько невзгод.

– Раньше дагестанцы очень бережно относились к земле, на которой можно выращивать зерно для хлеба. Поэтому они строили дома на крутых склонах гор, не пригодных для сельского хозяйства. Землю берегли, а поэтому жили и тесно, и дружно. Жизнь заставляла вырабатывать особые социальные правила общежития – адаты. Крыша твоего дома – это двор для твоего соседа. Близкий сосед ближе, чем дальний родственник. А потом дагестанцы узнали, что есть такое слово, как забор. Они стали отдаляться друг от друга, строить высокие заборы. Построили забор – и разрушили адат!

Адат может дышать местью! Не надо трогать хороший адат! Адат – это прошлое, это опыт предков: выстрелишь в адат, попадешь в будущее! Добрососедство – основа жизни дагестанцев.

Так, из ответов на случайные вопросы появлялась у Гамзатова идея создать Конституцию горца. Как полипы годами, десятилетиями создают коралловые рифы, так и народ в ходе тысячелетней истории создавал правила совместной жизни. Это и есть настоящая конституция. Мераб Мамардашвили называл ее мускулами культуры.

Рассказал Айгун Халидович Магомедов, бывший министр сельского хозяйства Дагестана.

В Махачкале состоялись скачки. Зрители получили удовольствие от красавцев-ахалтекинцев. Победившего на скачках скакуна Айгун Халидович от имени Минсельхоза и Правительства республики дарит, к огромному неудовольствию директора ипподрома, Расулу Гамзатову. Потом обычный в таких случаях банкет. Конечно, произносятся тосты за поэта. Айгун Халидович говорит, что авторитет Расула настолько велик, что ему достаточно произнести только «Фу!», и все правительство Дагестана сдует, как мощным ветром. На этот тост министра сельского хозяйства Расул ответил:

– Я бы давно уже сказал «Фу!», это желание у меня есть, есть оно и у дагестанцев, но где мне взять других министров?

Из воспоминаний Магомеда Гитиновича Абдуразакова, бывшего Министра внутренних дел республики:

– Мы приехали в Шамильский район (в то время он назывался Советский). Поэт долго выступал. Как обычно, он начинал свою речь медленно и довольно спокойно. Но через 3–4

минуты разговор поэта был схож с потоком горной речки после летнего ливня. Потом Расул сам себя приводил в состояние, близкое к экстазу. И, конечно, он захватывал внимание людей, они задавали ему множество вопросов. Встреча затянулась. В Доме культуры люди не хотели расходиться, один за другим на трибуну поднимаются все новые и новые ораторы, поэта возносят до небес. Расул попросил слова:

– Дам-дам был очень приятным, но очень длинным! А когда будет чам-чам?

Вспоминает Магомед Юсупович Юсупов – руководитель Республики Дагестан в начале 90-х годов XX века.

В беседе об одном дагестанце Расул говорит, что, по его мнению, он очень хороший человек.

– Почему ты так решил, Расул? – спрашивает Магомед Юсупович.

– Он меня вчера долго хвалил!

Александр Засухов

Ахсарбек Галазов

Рассказал главный редактор газеты «Дагестанская правда» Раджаб Магомедов.

В период подписной кампании он попросил поэта помочь в рекламе газеты, тираж которой падал. Расул согласился с охотой. В газете «Дагестанская правда», на первой странице, появилась его фотография с этой газетой в руках и с текстом, предложенным им самим:

– «Дагестанская правда» – моя правда!

23 сентября 2011 года. На доме по ул. Тверской в Москве, где жил народный поэт Дагестана, открывают памятную доску. Ведет митинг, как всегда блестяще, пафосно и вместе с тем просто, с большим дагестанским вкусом Гамзат Магомедович Гамзатов. Это его выступление о поэте, – пожалуй, лучшее из всех слышанных мною. В тот день на Тверской, бывшей улице Горького, кроме огромного количества дагестанцев, были и друзья Расула Гамзатова – Е. М. Примаков, А. Галазов, А. Дзасохов, Л. И. Швецова. Примаков вспомнил, как он попросил прочесть стихи на аварском языке и перевести. Это было знаменитое четверостишие:

В Индии считается, что змеи
Первыми на землю приползли.
Горцы верят, что орлы древнее
Прочих обитателей земли.
Я же склонен думать, что вначале
Появились люди, и поздней
Многие из них орлами стали,
А иные превратились в змей.

А. Дзасохов, бывший Президент Республики Северная Осетия-Алания, говорил о том, как Расул высоко превозносил ценность образования, настоящий герб государства, это система образования. А еще он припомнил, как один из переводчиков стихов Гамзатова, выдающийся советский поэт Роберт Рождественский, говорил, какие он испытывает чувства, когда читает гамзатовские стихи:

– Чувство белой зависти! Почему я не смог так написать?!

Время от времени в Союзе писателей Дагестана возникали конфликтные ситуации и даже, наверное, это не стоит скрывать, группировки. Расул шутил:

– Единственной группировкой, которую я признаю, является группировка советских войск в ГДР, которую возглавляет мой земляк – генерал-полковник Магомед Танкаев!

Салихат, дочь поэта, рассказывает.

В 60-е годы в Махачкале сдавался жилой дом Союза писателей Дагестана, который по своей численности тогда приближался к сотне членов. Руководство города, в соответствии с законодательством того времени, две квартиры в этом доме решило предоставить офицерам Каспийской флотилии. По этой причине без квартиры остался один писатель из даргинской секции Союза. Возникла конфликтная ситуация. Когда недовольный пришел в кабинет председателя Союза писателей, весь кабинет оказался наполнен возмущением. Выслушав требование не отдавать квартиру Каспийской флотилии, Расул ответил:

– Дорогой! У нас, в Союзе писателей, к сожалению, нет вооружения, чтобы бороться с Каспийской флотилией!

Александр Георгиевич Андреев, аудитор Счетной Палаты России, тоже был в числе многочисленных посетителей народного поэта Дагестана в октябре 2003 года. Конечно, и его угощал очень уже больной Расул. Поднимался тост, естественно, за здоровье поэта. Его ответ запомнился А. Г. Андрееву:

– Этот тост меня и погубил!

Замечательные истории о Расуле рассказывает наш знаменитый композитор Мурад Кажлаев. Он может написать целую книгу воспоминаний о своем друге, о совместной работе, о поездках. Вот только несколько зарисовок, рассказанных

Мурадом Магомедовичем во время совместного отдыха в санатории «Красные камни» в Кисловодске. Обычно Мурад Кажлаев и его супруга – красавица Валида-Ханум – приезжали туда в конце июля в августе. Деятельная, практичная Валида первым делом заготавливала фрукты и в условиях санатория готовила домашнее варенье!

После акклиматизации гостеприимные хозяева приглашали обычно отдыхающих в Кисловодске дагестанцев попробовать свежеизготовленное варенье у них в номере.

20 августа 2009 года. В гостях у меня Мурад Кажлаев, Ризван Казимович Газимагомедов, заместитель Председателя Правительства, его жена Раисат, Артур Исрапилов с женой Заирой и я. Зная, что Кажлаев – великолепный рассказчик, артистически изображающий с помощью мимики бытовые сценки, я упросил его рассказать несколько историй о Расуле. Вот они:

– Ко мне приехали друзья-музыканты. Зная об этом, заведующий отделом культуры обкома КПСС Магомед Садыкович Магомедов попросил провести встречу с трудящимися Кизляра. Я позвонил Расулу Гамзатову и предложил ему возглавить нашу творческую делегацию. Он согласился, сказав: «Мурик! Я помню, что я твой заложник и нахожусь в твоих руках! Как я могу не поехать?! Ты ведь можешь рассказать Патимат о нашей поездке в Дербент (*об этой поездке чуть ниже*).

Жарким августовским днем на трех машинах гости приехали к кизлярцам. На границе города их встречает первый секретарь горкома партии Степан Паламарчук, пионеры, казачки с хлебом-солью. Юноши и девушки танцуют лезгинку, после чего все сразу направляются в Дом культуры завода, построенного в то время, когда им руководил Абдуразак Марданович Мирзабеков. Встреча с рабочими была долгой, радостной. Наконец, настало время обеда. Паламарчук повел гостей в столовую завода, где были уже накрыты столы. На улице августовская жара, в воздухе носятся огромные изумрудные мухи. Когда принесли борщ, одна из них как будто бросилась в тарелку с борщом Расула! Чтобы сгладить возникшую неловкость, Расул говорит: «Степан! Я люблю дагестанцев за гостеприимство: куда бы я ни приезжал, в горах мне стараются зарезать черного барашка. Я предпочитаю именно черных карачаевских, этому меня научил Абдурахман Даниялович Даниялов. Он, кстати, для хинкала употреблял только сушеное мясо из Тляраты! Но только кизлярцы смогли проявить такое гостеприимство, когда ради приезда гостей они умудрились муху зарезать!».

В начале 60-х годов молодые Расул и Мурад решили «проветриться». Поездку наметили в Дербент, город колоритный,

обильный. (Эту историю Мурад Кажлаев рассказал в отсутствии Валиды-ханум, чтобы не услышать от нее запоздалые укоры). Конечно, встречал их первый секретарь горкома. День прошел незаметно: посещение Дербентского коньячного завода, наречение больших дубовых бочек именами Расула Гамзатова, Мурада Кажлаева; конечно, обязательная дегустация коньяков сорокалетней выдержки… Потом плотный ужин на берегу Каспия! Стемнело, и гости решили ехать домой. Особенно настаивал на отъезде Расул, повторяя: «Надо ехать! Патимат будет волноваться…». За рулем своей машины был Мурад, едут вдвоем. И вот около Дагестанских Огней Мурад Кажлаев начинает понимать, что он засыпает, ехать дальше вдвоем с Расулом Гамзатовым опасно. Возвращаться обратно к секретарю горкома – неловко. И тогда Мурад вспомнил, что около железнодорожного вокзала в Дербенте есть старая гостиница, куда можно заехать, переночевать, а утром рано поехать домой. После того, как сопротивление Расула было преодолено, друзья приехали в пресловутую гостиницу. В фойе за столом заспанная администратор, пожилая женщина. Расул говорит ей: «Слушай, давай быстро ключи от номеров «люкс»! Расул Гамзатов и Мурад Кажлаев будут отдыхать!». Администратор, не узнав поэта, очень недоброжелательно смотрит на них, быстро набирает какой-то номер и говорит в трубку: «Микдат! Тут какие-то два алкоголика выдают себя за Расула Гамзатова и Мурада Кажлаева!». Через пять минут в гостинице появляется сотрудник милиции из транспортного отдела, с железнодорожной станции. К счастью, он сразу признал Расула и успокоил напуганную женщину. В пять часов утра следующего дня Расул был уже на ногах и в маленькой комнате провинциальной убогой гостиницы (где там номера «люкс»!) он ходит по комнате и сочиняет стихи. Раннее утро было «самое творческое» время дня, когда он не был в плену друзей, гостей, родственников, многочисленных почитателей. К сожалению, мы никогда уже не узнаем, какие мысли были у Расула в это утро в Дербенте, в какие чудесные строки превратились эмоции вчерашней ночи. Не в эти ли?

С гостиницей связана еще одна легенда. Это тот случай, когда за реальность описанных событий я не ручаюсь, хотя в рассказе и упоминаются реальные люди. Это история о Расуле, записанная и рассказанная Юрием Боревым.

Юрий Борев издал книгу «Из жизни звезд и метеоритов», в которой наряду с рассказами о таких выдающихся писателях и поэтах, как Горький, Бунин, Твардовский, Чуковский, есть легенды и о Гамзатове.

Говорят, однажды в 60-е годы Расул Гамзатов возвращался из

Москвы на поезде и оказался в купе с красивой попутчицей. Как только поезд оказался в Махачкале, поэт пригласил спутницу поужинать в ресторане гостиницы «Дагестан». Конечно, ужин сильно затянулся, и ресторан уже закрывался. Гостей вежливо, но настойчиво попросили «закругляться». На улице была уже ночь, лил дождь, машин нет, такси заказать не удалось. Расул решил переночевать в гостинице. Администратор гостиницы была в состоянии, близком к панике. Да, она узнала поэта, был и свободный номер. Но надо помнить, какие суровые порядки существовали в советских гостиницах, как тщательно администраторы гостиниц изучали страницы советских «краснокожих паспортин» в поисках штампа о браке. Советское государство с его любопытством не имело представления о том, что существует тайна частной жизни. Ничего частного мы не признаем! Администратор, боясь брать на себя ответственность, звонит глубокой ночью директору гостиницы по фамилии Цинципер. Его поведение очень характерно для советских служащих того времени: главное, не брать на себя ответственность, перестраховаться, а поэтому на всякий случай лучше отказать человеку. Можно понять ту крайнюю степень возмущения, которую проявил негодующий поэт!

– Я, народный поэт Дагестана, член Президиума Верховного Совета СССР, не могу снять номер в гостинице «Дагестан» родного для меня города Махачкала!

Конечно, на следующий день в кабинетах обкома партии инцидент обсуждался, поэт осуждался; как обычно, поручили Шамхалову «поработать» с земляком. Через несколько дней состоялось заседание вновь избранного Верховного Совета Дагестанской АССР. Как обычно, бывший состав правительства слагает полномочия перед вновь избранным парламентом. Первым делом Верховный Совет заслушивает предложение о новом составе правительства. Список членов правительства заранее утвержден на заседании бюро обкома партии, и все знают, что заседание Верховного Совета, – по существу, простая формальность, декорация. Почетную роль зачитать список членов правительства, как обычно, предоставляют самому известному депутату Расулу Гамзатову, только что избранному к тому же заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР. Расул поднимается на сцену, занимает место за трибуной, важно одевает очки в роговой оправе и торжественно, даже артистично начинает зачитывать список министров. Когда он дошел до поста председателя правительства, он, вопреки всем известной фамилии, которую он должен произнести, вдруг называет фамилию Цинципера,

принципиального, осторожного Цинципера. В зале гул, смех. Председательствующий осторожно прерывает Расула:

– Расул Гамзатович! Вы, видимо, оговорились, называя фамилию председателя Совета Министров!

– Нет! Я не оговорился, предлагаю принципиального Цинципера. Считаю, что он лучше всех справится со сложными задачами, если он даже с Расулом смог справиться!

Конечно, в городе уже знали про инцидент, депутаты хохочут, в зале небывалый при проведении торжественных мероприятий смех!

Только Расул мог позволить себе такие шутки: для всех других они закончились бы исключением из партии и концом карьеры. А ведь это не просто вольность, это вольнолюбие поэта! Никто не пытался философски осмыслить этот, казалось бы, комический эпизод. Только Расул Гамзатов в образе балагура, шутника мог позволить себе защитить достоинство дагестанского народа, даже в такой закамуфлированной форме. Ведь, по сути, речь шла о дурости, формализме, с которыми всем приходилось считаться, в том числе и Расулу Гамзатову.

Это он мог пошутить даже с всесильным Леонидом Ильичем Брежневым, Генеральным Секретарем ЦК КПСС. Говорят, на одном из заседаний Президиума Верховного Совета СССР тот сказал поэту: «Расул! Моя жена очень любит тебя, твои стихи!». На что Расул, улыбаясь, ответил: «Это очень хорошо и правильно. Правильно будет, если и Генеральный секретарь ЦК КПСС будет любить Расула Гамзатова!».

По моей просьбе, о своих встречах с поэтом поведал бывший проректор Дагестанского университета, мой земляк Гасан Айгунов.

Как-то раз, отдыхая в Кисловодске, мы, группа дагестанцев, оказались в кафе «Ветерок», где готовили особо вкусные шашлыки. Пригласил нас живущий в Кисловодске наш земляк, великолепный ювелир, неподражаемый патриот Дагестана кумухец Алил. Вот что рассказал Гасан:

– Я не раз оказывался на различных торжественных собраниях, юбилейных мероприятиях с участием Расула Гамзатовича, но посидеть с ним за одним столом, в узком кругу, довелось лишь трижды.

В первый раз – еще в конце 80-х годов прошлого века. После возвращения Р. Гамзатова с супругой из Англии, мы с моим другом Рамазаном Хаппалаевым (он тоже побывал с ними в Лондоне) отправились к ним в гости. Еще во дворе услышали незабываемую фразу поэта: «Нахожусь в состоянии издевательства жен над мужьями». Дело было в том, что его

супруга Патимат в очередной раз затеяла ремонт, о чем свидетельствовали очищенные от краски стены дома. Долго не пришлось гостить: Расул Гамзатович торопился куда-то.

Вторая встреча была не столь короткой, и состоялась в моем кабинете в присутствии египетских гостей. В 1997 году моя дочь Азиза, студентка отделения востоковедения исторического факультета ДГУ, со своими сокурсницами проходила языковую стажировку в Аксьютском университете Египта. В письмах и телефонных разговорах с восхищением говорила о докторе Фатхалле, женатом на русской красавице Людмиле Александровне. В то же время мы ждали в гости профессоров Аксьютского университета, согласно договору о сотрудничестве двух вузов. Делегация состояла всего из 2 человек – докторов Фатхаллы и Хасана. Накануне отъезда доктор Фатхалла попросил нас организовать встречу с Р. Гамзатовым. Я позвонил Расулу Гамзатовичу и договорился заехать за ним на следующий день. Перед выходом из дома поэт уточнил, сколько будет гостей, взял два сборника своих стихов «Четки лет», и через 15 минут мы уже были в моем кабинете. Поздоровались, сели. На столе коньяк «Россия», шоколад, фрукты. Доктор Хасан, человек религиозный, не употребляет спиртное; Фатхалла, прошедший советскую школу застолий, с удовольствием пьет и, радуясь встрече, улыбается во весь рот. Мы с Магомедом Гасановым, коллегой-проректором, поддерживаем компанию, а вторым непьющим за столом оказался Р. Гамзатов. Тогда Магомед обратился к поэту: «Расул Гамзатович, если коньяк не хотите пить, может, Вам ликера налить?». Ответа не последовало. М. Гасанов переспросил, на что Расул сказал ему: «Слушай, Магомед, что ты пристал? Когда я пил, и тогда я его не пил, а теперь, когда не пью, тем более не выпью эту дрянь. Это разве напиток для мужчин?».

Через некоторое время Р. Гамзатов делает дарственную запись в одном из своих сборников и дарит доктору Фатхалле. Последний, поблагодарив, тут же достает другой сборник стихов, подготовленный заранее, и просит: «Напишите, пожалуйста, и моей жене!», На что Расул отвечает: «А что, вы в разводе разве?». Вскоре очередь дошла и до нас с Магомедом. М. Гасанову пишет: «На добрую память, с наилучшими пожеланиями в жизни», – и далее: «Магомед, смотри, при встрече на улицах Махачкалы не делай вид, что ты со мной не знаком!». Мне: «Дорогой Хасан, всегда буду рад встречаться с тобой – благородным, отзывчивым человеком. В день встречи с египетскими друзьями. Расул».

После в кабинете появляется начальник международного отдела (ныне проректор по хозяйственной и правовой работе) Зейдулла Османов. Я беру из шкафа в приемной книгу

воспоминаний о Шамиле и прошу Расула Гамзатовича написать в ней пару строк для вновь прибывшего. Поэт, долго не думая: «Дорогой Зейдулла, за неимением под рукой сборника своих стихов пишу тебе в книге воспоминаний о Шамиле. Если бы ты знал, как тебе повезло. Расул».

Настало время прощаться. Р. Гамзатов встает, и мы провожаем его, но поэт не выходит, уступая Фатхалле, а тот, в свою очередь, говорит:

– После Вас, дорогой Расул.

– Объясни, Гасан, что я никогда не нарушу § 1 статьи 1 Конституции РД *(т. е. для дагестанцев уважение к гостю – святое дело. Прим. автора)*.

– А для нас, египтян, вообще для арабов, Расул – это бог. Я же не могу выйти раньше самого бога!

– Тогда так и будем стоять до утра, – сказал великий поэт, улыбаясь по-детски.

Через 5 минут доктор Фатхалла сдался.

После юбилейных торжеств Расула Магомедовича Магомедова я в числе приглашенных вновь оказался за одним столом с Расулом Гамзатовичем на банкете в ресторане «Ленинград». Узнав, что поэт пьет только «Кагор», сын Р. Магомедова Арсен купил именно это вино. Не успели его разлить по бокалам, поэт, широко улыбаясь и барабаня рукой по столу, стал повторять: «За Расула надо пить, за Расула нужно выпить». Заметив недоуменные взгляды окружающих, он добавил: «Не за Расула Гамзатовича, а Расула Магомедовича». Все расхохотались.

Говорят, однажды Расул, пожав руку красивой женщине, отметил: «Что-то у тебя рука холодная сегодня». «Зато сердце горячее», – ответила та. Поэт же возразил ей: «Дорогая Хадижат, в холодной кастрюле не может быть горячий бульон».

Талантливый поэт и писатель, внимательный друг, жизнерадостный человек с тонким чувством юмора, Расул Гамзатович снискал к себе глубокое уважение людей своего поколения и любовь всех читателей не только России, но и всего мира.

В 1972–73 годах, будучи аспирантом ДГУ, я находился в Москве, в научной командировке. Направляясь в библиотеку, разговорился с одним сибиряком.

– Издалека приехали, молодой человек? – спрашивает он.

– Из Дагестана.

– Значит, земляк Расула Гамзатова?

– Да. Правда, читаю его, как и Вы, на русском языке. В оригинале не могу, так как я лакец, а он – аварец, языки разные.

– Никакой он не аварец…

– А позвольте у Вас поинтересоваться, кто же он тогда по национальности? – вопрошаю я недоуменно.

– Он гений, а у гениев национальности не бывает, – уверенно отвечает он.

Вернемся вновь к Конституции горца.

В ней семь очень коротких статей. Но о каждой из них можно написать книгу комментариев, объединяющую все эти статьи. Идеей является любовь к Родине, России, Дагестану, т. е. патриотизм. Школьников в Англии учат патриотизму. Они первым делом запоминают тезис английского патриотизма: It's my country – right or wrong. Я всегда считал, что переводятся эти слова так: плохая она или хорошая, но это – моя Родина. И вот совсем недавно я прочитал, как академик Сергей Петрович Капица правильно переводит этот тезис: «Это моя страна – права она или нет».

Что бы ни делала Англия, даже если ее солдаты убивают гражданских людей, она априори оказывается права!

Оказывается, даже патриотизм западный отличается от российского патриотизма. Формула «Это моя страна – права она или нет» появилась во время Британской империи. Российские патриоты, наоборот, стараются выискивать всяческие недостатки в своей стране и любят Родину, но странною критической любовью!

– Я проповедую любовь враждебным словом отрицанья, – писал Н. Некрасов.

Правильно ли, что российский патриотизм столь критичен, порой язвителен, склонен к самоуничтожениям? И тут должны быть разумные меры, все та же «золотая середина»! Нельзя постоянно ниспровергать прошлое. Почему безусловной традицией россиян является шельмование своих прежних царей, генеральных секретарей, президентов, председателей госсоветов?

Разве человек, взявшись за тяжелейший труд руководства страной, регионом, не заслуживает понимания? Помните: понять – значит простить!

Патриотизм – это такая идея, которая обладает огромной созидательной силой. Любовь к Родине гораздо сильнее любви к деньгам, а потому советский патриотизм создал в короткие сроки современную промышленность, обеспечил победу в Великой Отечественной войне.

Особенность патриотизма в нашей стране в том, что патриотизм неразрывно связан с идеей справедливости. Мы, россияне, более требовательны к своей власти, мы хотим, чтобы она была успешной, но не любой ценой! Цель не должна

оправдывать применяемые средства. Власть должна действовать по правде, быть правовой, правой властью! Вот в чем глубинный смысл замечательного афоризма академика Гусейнова: «Мы не правду поверяем Родиной – мы Родину поверяем правдой!».

В Средние века думали, что земля плоская, что она покоится на трех китах, плавающих в океане. С тех пор цифра три является символом человека самого важного, фундаментального, опорного.

На что же может опереться современный Дагестан, дагестанцы в своих поисках места в цивилизации? На то, на что он опирался всю свою историю – на беспредельную любовь к Родине, на трудолюбие, являющиеся жизненной энергией, без которой невозможен успех, на вечное недовольство собой и жажду современных знаний.

Человеку свойственно при этом ошибаться, а поэтому самое главное, чтобы у нас не иссякла энергия заблуждения!

Амфитрион поэта

Из греческого языка в русский пришло редко используемое слово «амфитрион», связанное со словом «амфитеатр». Оно означает круг общения человека в его жизни. У среднего человека, возможно, круг общения в течение жизни составляет около тысячи человек. Если вспомнить всех тех людей, с которыми Расул общался в детстве, с кем совместно учился в Литературном институте, с кем работал в Союзе писателей Дагестана, с кем сидел в почетных президиумах, с кем в составе делегаций бывал за границей; если вспомнить всех его знакомых – дагестанцев, то его амфитрион будет гораздо больше тысячи.

Ткань жизни Расула – его общение с теми, кто знал, дружил, а может, и завидовал поэту. Невозможно восстановить весь круг друзей, приятелей, знакомых. Но был около Расула Гамзатова человек, который сделал очень многое для того, чтобы сохранить в памяти потомков амфитрион Расула. Это известный дагестанский фотокорреспондент Владимир Матвеев. Он присутствовал на всех публичных встречах с участием Гамзатова, почти ежедневно формируя фотодневник поэта. В результате остались тысячи фотографий, негативов, бережно разложенных по конвертам с педантичными надписями. Надеюсь, что скоро они окажутся в Музее Расула Гамзатова, необходимость в котором очевидна. Владимир Матвеев умер, но после его смерти его супруга бережно сохранила это достояние дагестанского народа. Нет слов, чтобы выразить благодарность семье Матвеевых. Дагестанцы сохранят память об этом скромном служению Дагестану. В приложении к книге содержатся некоторые фотографии тех, кто входил в амфитрион Расула Гамзатова. Прежде всего, это фотографии отца – Гамзата Цадасы, матери – Хандулай, родственников поэта.

Влияние отца на творчество Расула Гамзатова огромно. Это отец заложил основы особой дагестанской образованности Расула. Прекрасный пример – это образ черного пса из одного из четверостиший Гамзата Цадасы.

Живи, на чужое не зарясь,
Судьбы нетемны небеса,
И помни, что черная зависть
Опаснее черного пса.

Многие поэтические идеи и мотивы отца

Расул Гамзатов развил в своих четверостишиях и горских сонетах. Краткость, афористичность, мудрость Цадасы не могут не восхищать.

Всех длиннее у того дорога,
Кто в наплывах солнца и тумана,
Вдалеке от отчего порога
Ищет человека без изъяна.

Какое поразительное ненавязчивое нравоучительство присуще Цадасе:

Не могут быть символом дружеских уз
Шашлычное братство и винный союз.
Медовое слово сказать на пиру
Способен и тот, кто не склонен к добру.

Или о ценности скромности:

Кто их не видел – возносить охочих.
Себя не по заслугам и уму?
Быть самым низким суждено тому,
Кто мнит в душе, что он превыше прочих.

Далее в книге публикуются фотографии тех, кто являлись частью публичной, литературной жизни поэта.

Иллюстрации

Расул Гамзатов и Владимир Матвеев

Гамзат Цадаса с детьми

С отцом

Мать поэта Хандулай

Женщины аула Балхар

Родной дом в Цада

Гамзат Цадаса в санатории Талги, октябрь 1948 г.

Александр Твардовский и Расул Гамзатов

Канатоходцы села Цовкра: на «канате нравственности»

Аул Цада. В воротах отцовского дома

С Далгатом Ахмедхановым

Расул Гамзатов и Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин: встреча в аэропорту

Поэты Роберт Рождественский, Р. Гамзатов. Встреча с премьер-министром Индии Радживом Ганди

Стоят: Николай Тихонов, Расул Гамзатов, Семен Бабаевский, Анвар Аджиев. Сидят: Леонид Соболев и Абуталиб Гафуров. 1950 г.

М.-А. М. Магомедов и М. Ю. Юсупов

Землетрясение 1970 г.

Встреча с Премьер-министром Индии Индирой Ганди

Гамзатов, Чухрай, Данелия

С лидером палестинской революции Ясиром Арафатом

Расул у себя дома, в Махачкале

Студенческие годы

Р. Гамзатов, М. Турзун-заде, Ч. Айтматов – три лауреата Ленинской премии

Во время учебы в Литературном институте в Москве

Герой Советского Союза Ризван Баширович Сулейманов и Расул Гамзатов

Р. Гамзатов, М. Карим, М. Турсун-заде, Н. Грибачев

Москва, Колонный зал Дома Союзов, сентябрь 1983 г.: празднование 60-летия поэта

С Абуталибом Гафуровым

С Константином Симоновым

Композитор Д. Шостакович и Р. Гамзатов

Р. Гамзатов, министр культуры СССР Е. Фурцева, писатель К. Федин

Расул Гамзатов и Фидель Кастро. Куба

М. Шолохов и Р. Гамзатов

Пресс-конференция Р. Гамзатова в Иране

С Евгением Евтушенко

Раиса Ахматова, Фазу Алиева, Махмуд Эсенбаев, Расул Гамзатов

В день 50-летия в ауле Цада

Празднование 60-летия Расула Гамзатова

Яков Козловский

В центре – генерал-полковник М. Танкаев, Р. Эльдарова, Р. Гамзатов

Р. Эльдарова и Р. Гамзатов

Бурлият Ибрагимова и Хаписат Гамзатова

Зам. министра культуры Х. Хиясов и Х. Гамзатова

Исмаилов Ш. А., Умалатов А. Д., Умаханов М.-С. И.

М. Ш. Абуев, Умаханов М.-С. И. (в центре), Шамхалов Ш. М.

Расул Гамзатов на трибуне

Давид Кугультинов

60-летие поэта

Александр Назаревич, Константин Симонов, Расул Гамзатов. 1954 г., г. Махачкала

Расул Гамзатов, Гази Магомедов, Абдулатип Гаджиев, Магомед Магомедов (стоит спиной)

Магомедали Магомедов, Расул Гамзатов и жена Патимат в Цада в день 60-летия поэта

У горной реки

После возвращения из Латинской Америки

Расул на трибуне. 22 апреля 1981 г.

Расул Гамзатов и Владимир Солоухин, переводчик книги «Мой Дагестан». Гуниб

На стадионе «Динамо» в Махачкале: турнир по вольной борьбе

Али Алавердиев, бывший Председатель Верховного Суда ДАССР; Р. Гамзатов; Даниял Мамаевич Гаджиев, бывший ректор Дагсельхозинститута; Гамзат Гамзатов (племянник поэта); Гаджи Гамзатов и Абдулла Гаджиев. Во дворе дома по ул. Ленина, г. Махачкала. 1969 г.